

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ

АДРЕС РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:

Москва, Кузнецкий М., 7. Телефоны: { Редакция 1-23-99.
Конторы 2-80-42.

Подписная цена на год 11 р. 50 к.
" " " " полгода 6 р. — к.
Для судработников при подписке на год 8 р. 30 к.
" " " " полгода 4 р. 80 к.

№ 38

30 сентября 1927 года.

№ 38

Положение о судостроительстве РСФСР и его проведение в автономных рес- публиках.

Положение о судостроительстве РСФСР определило в основных чертах взаимоотношения НКЮ автономных республик с НКЮ РСФСР, а также с Верховным Судом РСФСР и судучреждениями этих республик; органы юстиции автономных республик получили возможность приступить к планомерному строительству своего аппарата. Однако, как уже показал опыт, Пол. о судостр. не исчерпало всех неясных вопросов в области взаимоотношений указанных выше органов. Необходимость уточнения их вызывалась совершенно определенно на 3 совещании НКЮ РСФСР и НКЮ автономных республик, имеющем особо важное значение для последних, так как оно установило единство подхода НКЮ РСФСР и НКЮ авт. республик к пониманию важнейших принципов их взаимоотношений. Рассмотрение в свете постановлений данного совещания неясных вопросов из области этих взаимоотношений, с конкретизацией принципиальных положений, им установленных, тенденций их дальнейшего развития и вытекающих из них организационных выводов, представляется настоятельно необходимым.

Взаимоотношения НКЮ РСФСР и автономных республик.

Положение о судостроительстве РСФСР не только разрешило вопрос о ведомственных отношениях наркоматов юстиции и судучреждений РСФСР и автономных республик; оно привело эти взаимоотношения в соответствие с конституционными правами автономных республик и, наконец, что самое ценное, оно дало эти взаимоотношения в известной системе, основные принципы которой могут быть использованы при разработке системы взаимоотношений между остальными необходимыми наркоматами РСФСР и автономными наркоматами автономных республик и изучение которых приближает нас к определенному понятию «автономные», столь неясному в нашем законодательстве.

НКЮ РСФСР выступает в Положении о судостроительстве РСФСР как наркомат общесоюзный, распространяющий свою деятельность в значительной части и на автономные республики. Нужно отметить, что официальный термин «необъединенные наркоматы» (к которым относятся и НКЮ), установленный законодательством РСФСР, не отражает в достаточной степени их положения в системе органов РСФСР, как наркоматов общесоюзных.

НКЮ РСФСР, централизуя свои функции в отношении великорусской части РСФСР в полном объеме, в отношении автономных республик централизует свою деятельность лишь в известной части. 3 совещание наркомов юстиции определило эту централизацию, как осуществление со стороны НКЮ РСФСР в качестве общесоюзного органа юстиции всей РСФСР директивного руководства работой НКЮ автономных республик. Это понятие нуждается в известном истолковании.

В общем функции НКЮ РСФСР в отношении автономных республик можно разделить на три основные группы: 1) функции наиболее полно централизованные, в отношении которых может быть проведена близкая аналогия с взаимоотношениями объединенных наркоматов РСФСР и одноименных им наркоматов автономных республик, 2) функции, в отношении которых НКЮ РСФСР ограничивается установлением основных линий, направления работы и рамок для оперативной деятельности НКЮ АССР, и 3) функции, осуществляемые НКЮ авт. республик автономно.

К первой группе относится толкование законов РСФСР, функция наиболее централизованная в масштабе РСФСР. Это и понятно, так как ее децентрализация легко может привести к установлению Костромской, Калужской, Татарской и т. п. законности и по существу к лишению законодательства РСФСР характера целостной правовой системы.

3 совещание наркомов юстиции еще раз подтвердило обязательность для последних тех постановлений и циркуляров НКЮ РСФСР, где последний выступает, как истолкователь общесоюзного законодательства (ст. 14 Пол. о суд.), как по конкретным вопросам, так и в тех случаях, когда он выступает как истолкователь или дает указания об общей линии толкования законов всей Федерации, изложенных как в общей форме, так и по отдельному делу. Вместе с тем оно признало, что НКЮ автономных республик также имеют право на истолкование законов РСФСР, однако, поскольку не имеется соответствующего толкования общесоюзного центра и поскольку это толкование НКЮ автономных республик не будет находиться в противоречии с каким-либо иным толкованием НКЮ Федерации, данным по какому-нибудь другому поводу. Право дачи заключений по вопросам законодательства СССР, право толкования законов РСФСР (в пределах вышеупомянутых) и право толкования законов данной автономной республики в своей совокупности дают последней возможность организовать в аппарате их НКЮ общесоюзный консультационный центр данной республики, централизовать правовую помощь ее учреждениям, объединить их юридическую практику и привести ее в наибольшее соответствие с законами СССР и РСФСР.

Мы полагаем бы вместе с тем необходимым расширить сферу консультационной работы НКЮ автономных республик путем распространения ее и на общественные (в том числе и профессиональные) организации автономных республик. Практика, напр., республики Немцев Поволжья показала, что ее организации, в частности центральные, охотно обращаются за консультацией в ее НКЮ. Эту тягу организаций к законности необходимо всемерно приветствовать и поощрять в интересах предупреждения нарушений законов, хотя бы и невольных.

Мы полагаем бы также необходимым уточнить функции НКЮ автономных республик в области правового обслуживания их центральных учреждений возложением на них прямой обязанности дачи заключений по всем без исключения проектам законодательных актов и обязательных постановлений правительства данной республики и по всем проектам, присылаемым на отзыв этих правительств центральными органами РСФСР, и обязанности разработки проектов законодательных предположений по поручениям правительств этих республик. (Эти обязанности необходимо было бы закрепить в Положении о судостр. РСФСР). Далее НКЮ автономных республик должны ввести в свою практику разработку проектов законодательных предположений по тем вопросам, по которым практика органов юстиции выявила необходимость внесения коррективов в общесоюзное и местное законодательство. Учет и надлежащее оформление материала, получаемого по всем линиям (от судучреждений, от прокуратуры, в порядке консультационной работы), приведенные в систему, несомненно, способствовали бы восполнению тех или иных пробелов в законодательстве.

Предлагаемые нами мероприятия уже вошли в практику НКЮ автономной республики Немцев Поволжья (данные о масштабе и характере этой работы и ее анализ мы намерены дать в особой статье).

Предупреждение нарушений законов, осуществляемое НКЮ автономных республик в порядке консультационной работы, является необходимым дополнением к обязанности прокуратуры этих республик устранять уже допущенные нарушения законов путем их опротестования в той же мере, в какой в медицине меры предупреждения дополняют методы лечения. Необходимость единообразия в применении законов СССР и РСФСР в обоих случаях одинакова, почему и степень централизации должна быть одинакова и взаимоотношения НКЮ РСФСР и авт. республик в этой области должны быть построены аналогично взаимоотношениям прокуроров РСФСР и авт. республик (ст. 150 Пол. о суд.). Поэтому методы увязки, намеченные 3 совещанием наркомов юстиции (организация текущей информации о деятельности НКЮ авт. республик, периодические обследования работы последних аппаратом НКЮ РСФСР с сообщением своих замечаний и выводов) должны быть углублены указанием, что НКЮ РСФСР дает в этой области работы руководящие указания НКЮ авт. республик.

В связи с вопросом о функциях НКЮ авт. республик в данной области приобретает особый интерес вопрос, поставленный НК РКИ РСФСР, о передаче функций проработки законопроектов авт. республик консультантам при их ЦИК'ах.

При проведении упрощения и сокращения аппарата авт. республики Немцев Поволжья НКЮ, НК РКИ и правительство ее в целом встали на путь упразднения юрисконсультов в центральных учреждениях АССРНП и централизации их правового обслуживания в НКЮ АССРНП. Это дало: а) экономию в штате (вместо 8 единиц в НКЮ ЦИК'е, НКЗеме и НКВД оставлено на 1927/28 г. 3 единицы в штате НКЮ); б) устранение параллелизма (пра-

вовой проработки одних и тех же вопросов в учреждениях и НКЮ), особенно сильного в работе НКЮ и юрисконсульты ЦИК'а (не менее 50% параллельной работы); в) централизацию и единообразие юридической практики в АССРНП; д) максимальную увязку практики учреждений и законодательства АССРНП с законодательством РСФСР и СССР и практикой органов юстиции.

При передаче проработки законодательных предположений и обязательных постановлений консультационным частям ЦИК'ов авт. республик был бы неизбежен ряд отрицательных явлений: а) ослабление закономерной связи законодательства автономных республик с законодательством РСФСР и СССР (проработка будет производиться органом, не руководимым непосредственно НКЮ РСФСР и для которого сохранение этой связи не является такой специальной задачей, как для органов НКЮ), б) ухудшение качества правовой проработки: в аппарате НКЮ АССР концентрируется юридический опыт всех органов, в том числе судучреждений и прокуратуры, что не может быть достигнуто в такой же мере ни в каком другом консультационном органе. Это ухудшение тем более нежелательно, что качество правовой проработки учреждениями не всегда стоит на должной высоте: анализ данных, напр., НКЮ авт. republ. Немцев Поволжья (за истекший год) показывает, что большинство из представленных на его заключение проектов обязательных постановлений, положений о разных местных органах, уставов и тарифов требовали тех или иных коррективов; между тем, тенденции к сознательному нарушению законов в этих учреждениях не было отмечено; в) неизбежен параллелизм в работе с прокуратурой, которая не может быть избавлена от последующего просмотра; г) последующий просмотр всегда обнаруживает меньшее количество нарушений, чем предварительный.

Проектируемая НК РКИ РСФСР передача проработки законопроектов консультантам ЦИК'ов АССР, создавая в лице последних консультационные центры авт. республик, неизбежно поставила бы на очередь и вопрос о функциях НКЮ этих республик в области толкования законов. Передать консультантам ЦИК'ов АССР право толкования законов или хотя бы дачи заключений по запросам учреждений значило бы создать 2 центра толкования законов (консультант ЦИК'а и прокуратура) со всеми отрицательными последствиями.

В прямой зависимости от функции надзора за соблюдением законов РСФСР стоит: а) право Прокурора РСФСР делать предложения Верховному Суду РСФСР о производстве ревизий главных судов автономных республик (п. «в» ст. 179 Пол. о судостроительстве), б) право внесения Прокурором РСФСР в Верховный Суд РСФСР вопросов об отмене или изменении в порядке надзора приговоров, решений и определений судучреждений автономных республик (п. «г» ст. 179 Пол. о судостроительстве), в) право внесения Прокурором РСФСР в пленумы главсудов автономных республик представлений о рассмотрении в порядке надзора приговоров, решений и определений народных судов согласно правил УПК и ГПК и право перенесения этих вопросов в случае несогласия с пленумом главсуда на рассмотрение Верховного Суда РСФСР (прим. к п. «б» ст. 165 Пол. о судостроительстве).

3 совещание наркомов юстиции уточнило эти указания закона, определив, что основной формой инструктирования НКЮ автономных республик является непосредственное обревизование аппаратом НКЮ АССРНП судебных и прокурорских органов автономных республик.

Неясным представляется следующий вопрос из области взаимоотношений: Прокурор РСФСР вправе (ст. 5 Пол.

о судоустр.) приостановить и опротестовать любой приговор или решение, вынесенные судебными учреждениями РСФСР и в том числе и судучреждениями автономных республик (за исключением приговоров и решений специальных судов, порядок приостановки и опротестования коих определяется особыми законами); в связи с этим правом стоит и упомянутое нами право внесения Прокурором РСФСР вопросов о рассмотрении в порядке надзора приговоров, решений и определений судов в пленумы главсудов автономных республик. Буквальное истолкование редакции статьи 5 Пол. о судоустройстве РСФСР приводит к выводу, что Прокурор РСФСР может осуществлять эти функции в отношении судучреждений автономных республик непосредственно. Тем не менее в литературе высказывались мнения об осуществлении этого права не непосредственно, а через прокурора данной республики. В этот вопрос НКЮ РСФСР надлежало бы внести необходимую ясность. Это тем более необходимо, что хотя ст. 150 Пол. о судоустройстве РСФСР и предоставляет прокурорам автономных республик право представлять и направлять к пересмотру любой приговор и решение, вынесенное судами этих республик, в том числе и главными судами, тем не менее это право не получило отражения в тех статьях Пол. о судоустройстве РСФСР, которые трактуют о порядке внесения дел на рассмотрение Верховного суда РСФСР и последнее не даст ответа на вопрос, может ли Прокуратура РСФСР не пропустить на рассмотрение Верховного суда дел, вносимых прокурором автономных республик.

Не вполне ясными представляются взаимоотношения между НКЮ РСФСР и НКЮ автономных республик в области надзора за деятельностью земельных и арбитражных комиссий автономных республик; ст. 5 Пол. о судоустройстве возлагает эти функции во всероссийском масштабе (а в том числе, след., и в отношении автономных республик) на НКЮ и Прокурора РСФСР, а статья 150 того же Положения возлагает эти функции в отношении соответствующих учреждений автономных республик на НКЮ и прокуроров последних. Мы полагаем, что эти положения окажутся увязанными, если признать, что НКЮ и Прокурор РСФСР не осуществляют этих функций в отношении автономных республик непосредственно, а через НКЮ и прокуроров автономных республик, давая лишь руководящие указания.

Весьма существенным является вопрос о функциях НКЮ автономных республик в области судебной политики. Раздел 7 Пол. о судоустройстве РСФСР, трактующий о судоустройстве автономных республик, не содержит конкретных указаний на этот счет. Между тем, для автономных республик этот вопрос не просто правовой, но и конституционный. Ст. 5 Пол. о судоустройстве РСФСР возлагает на НКЮ РСФСР проведение общей линии судебной политики на территории РСФСР (а след., и на территории автономных республик). Ясно, что проведение этой линии обязательно и для НКЮ автономных республик. Это подтвердило и 3 совещание наркомов юстиции. Бытовые, экономические и национальные особенности автономных республик могут обусловить необходимость проведения судебным аппаратом их такого рода заданий, которые НКЮ РСФСР не имел в виду при постановке вопроса во всероссийском масштабе (наприм., в области религиозных преступлений, бытовых, земельных и имущественных отношений и т. п.). Мы полагаем, что НКЮ РСФСР надлежит установить в отношении автономных республик порядок директивного руководства путем установления гибких рамок, в пределах коих могли бы быть учтены бытовые, национальные и экономические особенности этих республик;

на НКЮ автономных республик должна быть возложена обязанность проведения судебной политики НКЮ РСФСР и судебной политики своего правительства; конечно, последняя не может идти вразрез с общей линией, проводимой НКЮ РСФСР; указания НКЮ РСФСР в отношении автономных республик не должны носить того исчерпывающе-оперативного характера, который они имеют в отношении губерний и областей РСФСР.

Не нашли себе отражения в Пол. о судоустройстве функции правовой пропаганды, являющиеся необходимым дополнением к административно-организационным функциям. НКЮ РСФСР уже проводит эту работу во всероссийском масштабе. Организуется она и в автономных республиках. Однако, надлежит отметить, что отсутствие в законе определенных указаний на необходимость отправления этой функции аппаратом НКЮ, не давая возможности обеспечить осуществления ее в сметном порядке (хотя бы и в очень скромных размерах), создает материальные затруднения для ее осуществления. Для примера мы можем взять опыт издания НКЮ авт. республики Немцев Поволжья странички правовой пропаганды «Право и Жизнь», завоевавшей себе в течение 2 лет издания значительную популярность среди трудящихся республики, издание которой зависит от соглашения с редакциями местных газет (она выходит в качестве приложения). Мы полагаем, что организация правового просвещения трудящихся масс является задачей по существу государственной и ее нельзя ставить в зависимость исключительно от общественной самостоятельности работников юстиции и отзывчивости местных организаций, хотя, конечно, и то и другое также необходимо. Хозрасчет, возможный во всероссийском масштабе при широком рынке сбыта, не осуществим в автономных республиках.

Мы полагаем, что Пол. о судоустройстве РСФСР должно быть пополнено указанием на осуществление НКЮ РСФСР и НКЮ автономных республик функций правовой пропаганды, что даст возможность подвести под эту пропаганду известную материальную базу.

Взаимоотношения НКЮ и судучреждений автономных республик.

Эти взаимоотношения, на первый взгляд, очень просты и в юридической литературе не возбуждают сомнений: НКЮ отводится область административно-организационной работы, область судебного управления, а судучреждениям — область судебной практики. Однако, практическое осуществление этих принципов порождает ряд вопросов. Высшим органом, руководящим деятельностью всех органов юстиции в автономных республиках, являются наркоматы юстиции этих республик, на которые возлагается, кроме организации, инструктирования и ревизии, еще и общее руководство судебно-следственными учреждениями соответствующей республики, в том числе и главсудом (ст. 148 и 149 Пол. о судоустройстве). Этому общему руководству как бы противостоит непосредственное руководство судебной практикой, осуществляемое главным судом данной республики (или отделением Верховного суда, где последнее образовано). В чем же должно состоять это общее руководство и касается ли оно руководства судебной практикой? Мы полагаем, что это руководство должно состоять в направлении общего хода судебного аппарата в части организационного оформления его, подбора личного состава, в части руководства постановкой его работы, а также в части проведения через этот аппарат судебной политики.

В этой плоскости должно производиться и инструктирование судучреждений как форма руководства.

Положение о судоустройстве обеспечивает главным судам автономных республик возможность полного охвата и руководства судебной практикой всего судебного аппарата данных республик. Пленум главсуда имеет право рассмотрения всех вопросов, связанных с неполнотой или неясностью действующего законодательства (п. «а» ст. 165 Пол. о суд.); он же издает инструкции, указы, циркуляры и т. п. по вопросам судебной практики (п. «д» ст. 165 Пол. о суд.). Кассколлегии главсуда корректируют практику народных судов при рассмотрении дел в порядке кассации. В целях руководства судебной практикой главсуд осуществляет право высшего судебного надзора (ст. 157 Пол. о суд.); он рассматривает в порядке высшего надзора вошедшие в законную силу приговоры и решения народных судов (п. «б» ст. 165 Пол. о суд.), пользуясь правом отмены таковых согласно правил ГПК и УПК; он назначает специальные ревизии нарсудов как по предложениям прокурора авт. республики, так и по собственной инициативе.

Небезынтересно отметить, что НКЮ авт. республик по линии прокуратуры и главсуд через пленум взаимно дают друг другу поручения о производстве ревизии одних и тех же органов—народных судов (п. «в» ст. 162 Пол. о суд. и п. «в» 165 Пол. о суд.); при этом, впрочем, проводится разница: главсуд входит в НКЮ авт. республик с представлением о производстве очередных ревизий, а прокурор авт. республики входит в пленум главсуда с предложением о назначении специальных ревизий нарсудов.

Мы полагаем, что вопрос о ревизиях должен быть разрешен следующим образом. Плановые ревизии, производимые аппаратом НКЮ, имеют основной своей целью проверку постановки работы нарсудов, проверку квалификации персонала и проверку правильности линии судебной политики, проводимой нарсудами. Попутно, конечно, отмечаются и нарушения, допущенные нарсудами в области применения материальных и процессуальных норм. О последних ревизионный аппарат доводит до сведения главсуда для внесения коррективов в судебную практику нарсудов и до сведения прокуратуры для осуществления надзора за восстановлением нарушенного закона. Неизбежные при таких ревизиях разъяснения по вопросам судебной практики не должны носить характера руководящих указаний и могут рассматриваться лишь как мнение ревизующего; тот же характер должны носить и ревизии главсуда, проводимые аппаратом НКЮ автономных республик. Центр тяжести ревизий, производимых главсудом, лежит в области проверки судебной практики.

Об отмеченных нарушениях в области судебной политики, о недостатках в постановке работы, о недостаточности квалификации персонала нарсудов главсуд доводит до сведения НКЮ.

Очередные ревизии, производимые НКЮ по представлению главсуда в порядке, установленном п. «в» ст. 163 Пол. о судоустройстве, имеют своей очевидной целью обследование работы судучреждений для проверки квалификации личного состава.

В соответствии с указанными положениями должно производиться и инструктирование судучреждений: руководящие указания по вопросам судебной практики даются главсудом, а в остальном—НКЮ. Заключение по вопросам судебной практики, даваемые по запросам судучреждений, должны даваться от имени главсуда; если же они затрагивают при этом и вопросы судебной политики, они должны даваться НКЮ и главсудом совместно.

Как должен быть построен аппарат НКЮ автономных республик.

Производящаяся ныне перестройка аппаратов управления автономных республик (переход на функциональную систему) выдвигает для их НКЮ ряд практических организационных вопросов. Мы мыслим себе осуществление функциональной системы в следующих формах: отделы и отделения, обслуживающие их канцелярские ячейки, упраздняются; взамен их организуются 3 группы оперативных работников—прокурорская, судебного управления и консультационная, с одним обслуживающим аппаратом, руководимые членами коллегии НКЮ, как старшим специалистами в группах. Это не исключает, конечно, необходимости точного определения функций каждого оперативного работника, отвечающего в полной мере за свою работу и оформляющего ее своей подписью.

Непосредственное подчинение всех оперативных работников наркому, возлагающее на последнего функции чисто технического руководства работой специалистов, мы считаем нецелесообразным и практически невыполнимым.

Коллегия НКЮ в целом должна нести также функции планово-организационного органа при наркOME. В небольших республиках, где нагрузка членов коллегии НКЮ планово-организационной работы и оперативным руководством может быть неполна, необходимо дать им определенную нагрузку и оперативной работой. Для руководителя прокурорской группы это может быть выступление на судах, доклады в организациях и т. п.; для руководителя консультационной группы—составление и проработка законопроектов, дача заключений по конституционным вопросам и т. д.; для руководителей группы судебного управления—составление разъяснений судам по их вопросам, циркуляров, инструкций и т. п.

Общий обслуживающий аппарат (канцелярская группа) должны находиться в подчинении отдельного руководителя (непосредственно подчиненного наркому), который, не вмешиваясь в оперативную работу остальных групп, исполняет ее при помощи всей группы; в виду особенностей его работы (необходимость детального знакомства с функциями каждого оперативного работника, невмешательство оперативных работников в вопросы технического их обслуживания), он должен быть юристом (это и имеет место в авт. республике Нем. Поволжья).

Члены коллегии НКЮ должны иметь определенные права в области разрешения оперативных вопросов текущего характера, не требующих изменения политической линии и принятой практики. В коллегии НКЮ для полноты взаимной увязки работы должен входить председатель главсуда (это имеет место в авт. республике Нем. Поволжья).

Функциональная система уже введена в действие в аппарате НКЮ авт. республики Нем. Поволжья. Однако, часть организационных вопросов, в частности функции Коллегии НКЮ, еще находятся в периоде переработки.

Член Коллегии НКЮ АССР Немцев

Поволжья М. Еремеев.

г. Покровск.

Национальные языки в судебном процессе.

Партия указывает, что вопрос о языке—вопрос о смычке русского пролетариата с крестьянством других национальностей. Без реализации родного языка невозможно осуществление основных задач, поставленных Партией и Советской властью перед судом. Совершенно ясно, что невозможно воспитывать массы, не говоря и не мысля на их языке. Чуждый массам язык процесса удаляет их от суда, удаляет и суд от них. Он является препятствием к укреплению и росту доверия масс советскому суду. До суда, пользующегося чуждым им языком, доходит лишь часть жизни. Не владея языком масс, суд не вооружен в достаточной степени для того, чтобы вести успешную борьбу со старыми бытовыми устоями и преступностью и помочь широко открыть путь социалистическому строительству. Наоборот, ясна разница между народным судом, пользующимся русским языком, и судом своего доморожденного судьи—мапапа, тайона, муллы, употребляющего родной язык. Чуждый язык делает для масс совершенно неинтересными и непонятными заседания суда, которые вследствие этого теряют публичный характер и утрачивают свое воспитательное значение. Он не дает возможности вовлечь в работу суда народных заседателей—представителей широкого населения, что лишает этот институт своего назначения.

Реализация родного языка в РСФСР введена постановлением ВЦИК от 14 апреля 1924 г. Постановление требует постепенно переводить делопроизводство всех государственных органов или отдельных частей в автономных республиках и областях на национальные языки. При этом, как указано в постановлении, должна соблюдаться строгая последовательность, начиная с перевода делопроизводства или ведения параллельного делопроизводства на местном языке, в частях аппарата, которые обслуживают широкие массы, обеспечивая в первую очередь ведение на местных языках разговорной речи сотрудников госучреждений и предприятий. Сношение с центральными органами должно производиться на русском языке.

При переводе на местные языки предложено таким образом построить план развертывания, чтобы в первую очередь переход проводился в наиболее отсталых в культурном отношении республиках и в тех, население которых русский язык является абсолютно недоступным.

В остальных союзных республиках реализация проводится сложнее, чем в РСФСР. Здесь перед советскими органами не одна задача, как в РСФСР,—переход на местные языки,—а две: во-первых, переход на основной язык, во-вторых, обеспечение прав национальных меньшинств. И то и другое проводится в этих республиках, при чем процесс украинизации на Украине и грузинизации в Грузии уже почти в целом закончен. Поэтому Украина и Грузия, имея перед собой, как главную, задачу реализации местных языков, приближаются к РСФСР. Наоборот, в остальных союзных республиках реализация основного языка еще проходит начальные стадии и вопрос о ней стоит так же остро, как и о реализации местных языков. Что касается пути и методов реализации языков в союзных республиках, то они те же, что и в РСФСР.

Реализация языка может быть подразделена на «активную» и «пассивную» реализацию. Активная реализация—это перевод основного делопроизводства учреждений на национальные языки. Пассивная реализация—это сохранение в РСФСР русского языка (или других основных в иных союзных республиках) в основном (внутреннем) делопроизвод-

стве с обеспечением приема устных и письменных обращений и дача на них ответов на национальных языках. При реализации делопроизводство может вестись на одном языке целиком: национальном или основном, или параллельно, т.-е. одновременно на двух. В этом случае каждая переписка составляется на основном и национальном языке.

У целого ряда административных учреждений делопроизводство играет основную роль в их деятельности. В работе органов юстиции еще большую роль играет судопроизводство. Перевод судопроизводства на местные языки имеет главное значение. Ведь на процессе собираются доказательства, и уже самый ход процесса, а не только постановления суда, является школой воспитания масс, которые большей частью неграмотны, и это постановление им не так доступно, как процесс.

В органах юстиции при реализации языка удается разделить процесс на судопроизводство и делопроизводство, т. е. оставив часто делопроизводство на основном языке, судопроизводство перевести на национальные языки.

Другое разделение в части «реализации»—это разделение их (судов и следствия) на камеры национальные в полном смысле, смешанные и русские (украинские, белорусские и т. д.). В смешанных камерах часть дел ведется на одном языке, другая часть—на другом.

При проведении реализации процесса встречается ряд затруднений: одно из препятствий—неоднородность населения национальных местностей.

Согласно отчету т. Червякова о деятельности Белорусского правительства Совпаркому СССР в Белоруссии в 1926 г. было из населения Республики: белоруссов—69,8%, великоруссов—17,3%, евреев—10,1%, поляков—2%, прочих—0,8%. В Белоруссии основными языками являются языки этих 4 национальностей.

В Узбекистане—узбеков в 1926 г. было 64,3%, таджиков—21,1%, казаков—2,7%, киргизов—1,6%, арабов—1,4%, русских—3,8%, уйгуров—0,7%, др. коренных националов—4,4%.

Такая же картина характерна и для большинства автономных республик и частично для областей, особенно Крыма, Дагестана. Неоднородность населения безусловно имеет свои положительные стороны. Она усиливает общение между разными национальностями, способствует передаче культурных ценностей от более культурных народностей менее культурным; местные языки делает знакомыми лицам других национальностей, позволяя обмен работниками. Но в то же время неоднородность населения приводит и к ряду больших неудобств.

Неоднородность выражается в «ножницах» между русским (и реже другим) городом и национальной деревней. Города—центры тяготения деревни и культурные опорные пункты. Но они вследствие царской политики были административными и культурными пунктами русской колонизации, опорными центрами движения русского царизма на окраины. Их культура была чужда культуре национальной деревни. Национальный состав их резко отличается от национального состава деревни. В качестве примера приведем Белоруссию. Из того же доклада т. Червякова видно, что в городах этой республики белоруссов в 1926 г. было только 34,8% (в деревне—75,5%), великоруссов и украинцев—28,7% (в деревне—16,5%), евреев—37,7% (в деревне—5,2%), поляков—2,1% (в деревне—2%), прочих—1,7% (в деревне—0,8%).

Вопрос о «национальных ножницах»—один из сложнейших вопросов национальной политики. В Узбекистане, напр.,

в состав Таджикской авт. республики вошел ряд узбекских городов, даже граничащих с пределами Узбекистана, но к которым тяготеет таджикское население. Население этих городов неоднократно возбуждало ходатайство об исключении их из Таджикской территории.

При «реализации языка» в таких городах нельзя не считаться ни с тяготением к ним деревни, ни с национальным составом их населения. Игнорирование первого—это великорусский шовинизм, второго—шовинизм местный. Великорусский шовинизм препятствует реализации. Шовинизм местный борется с русской культурой и стремится коренизовать и притом путем насилия русское население. Местный шовинизм хотя бы на Украине был неоднократно объектом суждения Партии, осудившей его так же, как и великорусский шовинизм.

Партия и Советская власть не могут допустить, как они не допускают и национального угнетения других национальностей, национального угнетения великорусской национальности. Но в то же время нельзя изолировать город от деревни, нужно сделать города близкими национальному крестьянству, иначе город не может иметь доверия у национального населения и служить мостом, по которому экономический и культурный Октябрь шествует в массы.

Городская проблема частично разрешается постройкой новых национальных центров и новых городов. Но это только частичное ее разрешение, не исключающее проблемы распространения реализации языка деревни на города с иным национальным населением.

Другое выражение неоднородности населения в национальных местностях—это разбросанность населения. В ряде местностей удается создать национальные объединения, объединив ими национальные меньшинства.

На Украине в 1926 г. было 329 русских сельсоветов, 228 немецких, 138 польских, 186 еврейских, 44 болгарских, 30 греческих, 14 молдавских (вне Молдавии), 13 чешских, 2 белорусских и даже 1 шведский. Национальные села объединялись в районы. В 1926 г. районов было: немецких—7, охватывающих 85,6% немецкого населения Украины, болгарских—3, объединяющих 84% украинского болгарского населения, польских—один, 73,8% польского населения, и еврейских—один.

В Узбекистане, кроме Таджикистана, есть один Таджикский и один Казакско-Калпакский район.

В РСФСР в начале 1927 года было: в Астраханской губернии—15 национальных советов, в Пензенской—5 мордовских и 1 татарская волость; в Смоленской—12 еврейских, латышских и белорусских сельсоветов, в Воронежской—3 украинских ВИК'а, в Нижегородской—5 национальных татарских волостей, в Саратовской—13 национальных волостей: 2 украинских, 4 мордовских, 3 татарских, 1 немецкая, 3 смешанных; на Северном Кавказе—2 армянских района, 1 шапсугский, 1 туркменский, 1 казачий, 1 горско-еврейский; в Сибири—3 района: Горношорейский, Хакасский и Немецкий; на Урале—Пермский округ и т. д.

Национальное районирование разветвляется и дальше. На Украине, напр., в 1927/28 г. будет проведена подготовительная работа по созданию русских районов в 12 округах, в 3 округах—еврейских районов, в 2—немецких, 2—греческих, 1—болгарского. Национальное население, объединенное в национальные территориальные единицы, гораздо легче, чем население, живущее разбросанно, обслужить родным языком. Но значительная часть национального населения остается вне национального районирования, что затрудняет «реализацию» языка.

Кроме неоднородности населения, другим главным препятствием, затрудняющим реализацию языка, является

низкий уровень культуры большинства национальностей СССР. Тов. Енукидзе в своей статье «К вопросу о национальных языках» говорит о необходимости различного подхода при разрешении задачи местных языков в зависимости от местной культуры, местной экономики, местного быта.

Этот различный подход становится ясным, когда сравниваешь хотя бы СССР с Туркменистаном. На Украине грамотность достигает 41,6% всего населения республики. В Туркменистане грамотных 0,6% и нет достаточно хорошо грамотных и умелых работников. Немедленная реализация языка передает советские учреждения, в том числе и суд и следствие, в руки национального эксплуататорского элемента, наиболее грамотной прослойки национального населения, как на самом деле в ряде местностей и было.

Реализация языка затруднительна еще и потому, что языки отсталых народностей не развиты, им не известны не только терминология юридическая, но и ряд элементарных, с точки зрения цивилизованной жизни, понятий. На языке, где число слов ограничено небольшим количеством, трудно фиксировать работу всякого учреждения, а тем более суда.

Мы уже не говорим при этом, что есть ряд народностей, у которых только вчера появился алфавит, и еще много лет нужно для создания литературного языка. В Туркменистане был такой случай. Одно из дел окружного суда, попав в Верховный Суд Республики, было переведено на русский язык, при чем переводчик написал, что обвиняемые были подвергнуты условному лишению свободы. На этом основании приговор УКК Версуда оставила в силе. Получив копию определения УКК, окружный суд сообщил, что произошла ошибка, переводчик неправильно перевел дело, так как им вынесен безусловный приговор. Верховный суд обратился к другим переводчикам. Часть их признала правильным первый перевод, и только переводчик ЦИК'а нашел, что приговор действительно переведен неправильно.

Установление юридических терминов является элементарной необходимостью. При всех НКЮ и облсудах для этой работы и перевода кодексов должны быть созданы специальные комиссии.

Как же проходит процесс реализации языка в суде и следствии?

Судебно-следственная работа в отношении «реализации» имеет некоторые преимущества перед другими низовыми органами. Не так остро перед судом стоит проблема национальных ножиц. В городах большей частью участки обслуживают только городское население. Перед следствием здесь больше затруднений. Большая часть следственных городских участков обслуживают и прилегающий к городам иногда довольно обширный район.

Второе преимущество—это то, что районирование суда не всегда соответствует административному делению. Производя районирование судебно-следственной сети, руководящие органы юстиции и исполкомы имеют возможность учесть особенности судебно-следственной работы по отношению к задаче приближения суда к населению.

Но условия судебно-следственной работы выдвигают еще более существенные препятствия реализации родного языка.

Сеть судебно-следственных участков у нас мала. Участок народного суда приходится в РСФСР без автономных республик на 1,5 волости, следственный участок на 2,4 волости.

На Украине участок суда обслуживает в среднем 35 тысяч жителей, в Узбекистане—48 тыс., в Дагестане на несколько десятков народностей функционирует только 22 народных суда. При таких условиях юстиция не имеет возможности обслуживать даже живущее более или менее

компактной массой (5—10 тыс. чел.) национальное население; тем более, что для обслуживания нескольких национальностей на их родном языке требуется знание нескольких языков, т.-е. довольно значительная образованность, а у работников юстиции она низка.

Другое препятствие, выдвигаемое специфическими условиями, создается тем, что в одном и том же деле часто фигурируют лица разных национальностей, и становится вопрос, на каком языке вести процесс и делопроизводство.

Несмотря на то, что суду легче провести границу между городом и деревней, очень трудно, труднее, чем другим учреждениям, провести ее между городским населением разных национальностей.

В одном и том же судебном участке могут проживать лица, принадлежащие к разным национальностям. Суд же обязан проводить реализацию языка не одной из них, а всех их. Выходом здесь является, во-первых, выделение городских национальных участков не по принципу территориальному, а по национальному; во-вторых, широко следует использовать переводчиков; наконец, в-третьих, подобрать в таких участках специальный состав работников.

Реализация языка в руководящих органах юстиции, обслуживающих разные национальные суды, тем более затруднительна, особенно в Крыму и в Дагестане, по ее облегчает то, что количество работников в этих органах гораздо больше, чем в низовых ячейках юстиции. Это дает возможность привлекать к работе суда представителей разных национальностей.

Но в руководящих органах нужен и более высокий состав работников, которыми большей частью вследствие этого пока являются русские.

Реализация языка во второй инстанции, благодаря дороговизне перевода и отсутствию достаточного кадра отвечающих своему назначению переводчиков, иногда принимает неправильные формы. Переводится не все дело, а только постановления суда и протоколы. Другие материалы или устно зачитываются переводчиком или вовсе остаются непереуведенными.

Какие же данные мы имеем о реализации языка? Раньше всего отмечается рост сети национальных участков. На Украине на 1 апреля 1925 г. было только 9 национальных судебных камер и ни одной следственной. В конце 1926 г. судебных национальных камер было уже 58, следственных 7. Рост безусловно огромный. Но одновременно реализация языка все же еще недостаточна. Возьмем сеть национальных судов Украины. На Украине 14,1% национального населения. Между тем, из всех 816 судучастков национальных только 58. Национальные камеры открыты пока лишь для евреев (36 суд. камер, 4 след.), немцев (12, 2 след.), поляков (6, 1 след.), болгар (1 суд). Еще нет ни греческих, ни молдавских вне пределов Молдавии камер. Мало национальных следственных камер.

В Белоруссии в 1926 г. было только 9 национальных участков: 5 еврейских, 1 латышский, 3 польских. Белорусизация суда полностью проведена лишь в Калининском округе. Число же хотя бы еврейских участков, учитывая еще, что евреи живут в городах, где на народный суд приходится меньше населения, чем в деревне, недостаточно.

В Татарии постановлением ГИК'а от 5 мая 1924 г., резолюцией 2 сессии ТЦИК'а от 18 июня 1924 г. и инструкцией по реализации татарского языка выдвинуты положения о равноправности русского и татарского языка, о большинстве населения каждой единицы, как определяющем критерии для выбора языка делопроизводства данной единицы, в проведении активной реализации в местностях с большинством татарского населения и пассивной в мест-

ностях с меньшинством татар, а также в центральных и кантонных учреждениях.

В 1924 году в Татарии был составлен план реализации татарского языка, рассчитанный на 5 лет. Органы юстиции вошли в список учреждений, подлежащих реализации в первую очередь.

В 1924/25 г.г. по плану должно было быть проведено установление до 75% татарских судебных и следственных участков в татарских районах: в 1925/26 г.—завершен перевод делопроизводства в учреждениях районного характера с большинством татарского населения, установление делопроизводства в 7 кантонах и сношений с ними на татарском языке; в 1926/27 г. перевод делопроизводства НКЮ. На 1 мая 1927 г. в Татарии татарских судебных участков было 27 из 68, следственных—18 из 49; смешанных русско-татарских судебных—12, следственных—5; смешанных русско-чувашских—3 судебных и 1 следственный.

В Казакстане к реализации языка было приступлено еще в 1921 г. Но попытки реализации в это время успехов не имели. В 1923 г. был издан первый декрет о введении делопроизводства на казакском языке.

В 1927 году из 236 судебных камер в Казакстане делопроизводство и судоговорение на казакском языке вели 122 народных суда, из 143 следственных участков—92 народных следователи. Реализация языка в судебных и следственных органах фактически была проведена еще в 1924/25 г.

В Якутии началом перевода делопроизводства на якутский язык является 1924 год. 26 мая 1924 г. издается первый декрет о реализации якутского языка. Реализация якутского языка была облегчена тем, что только 4% населения Республики не знают якутского языка, при чем даже прилепские русские крестьяне позабыли свой родной язык. Уже в 1925 году весь судебный процесс и его делопроизводство велось на якутском языке, и только некоторые документы переводились на русский.

В Крыму к концу 1926 г. было татаризовано 14 судебных и следственных участков. Имелась 1 немецкая и 1 болгарская камера. Предположено открыть еще по одной болгарской и немецкой камере.

В Чувашской республике перевод делопроизводства на чувашский язык только подготавливается, судоговорение, как правило, ведется на чувашском языке.

В Башкирии судоговорение и делопроизводство ведется на башкирском языке—в 44,1% судебных камер и 40,8% следственных. Есть участки, где судоговорение частично проводится на марийском и чувашском языках. Дела на башкирском языке ведутся и в главсуде и старшими следователями.

В 1926 г. УСО из 2.937 рассмотренных дел 850 провело на башкирском языке; УКО из 3.384—919; ГКО—625 из 396; ст. следов. 20 из 174.

В Немреспублике к концу 1926/27 хозяйственного года только 9 судучастков из 25 вели судопроизводство на русском языке, остальные перешли на немецкий язык, при чем 9 участков применяли немецкий язык и в делопроизводстве. Из нарследователей все судопроизводство на немецком языке вел один, частично трое; из судебных исполнителей один полностью и один частично. В I половине 1927 г. в кассационных отделениях главсуда из 1.253 дел на немецком языке рассмотрено 305, в судебных—из 170—40, при чем по 18 делам только судоговорение велось на немецком, а по 20—судоговорение и протоколы; по 2—все производство.

В Киргизии 12 камер из 25 вели судопроизводство полностью на киргизском и узбекском языках, а одна из них частично судоговорение на уйгурском.

В Карелии в участках с финокарельским населением судоговорение ведется на родном языке, делопроизводство на русском.

В Нагорном Карабахе есть турецкий участок.

В автономных областях реализация языка проводится гораздо медленнее.

В Вотской области делопроизводство на национальный язык предполагалось перевести с 1 октября 1925 г.

В Калмыцкой области в участках, где калмыки судьи, на калмыцком языке ведется судоговорение; делопроизводство же остается на русском.

В Марийской области во 2 пол. 1926 г. уголовно-судебным отделением областного суда проведено судоговорение по 12 делам и делопроизводство по 2 делам (написан 1 протокол и 2 приговора). По кассационным делам частично судоговорение проведено по 50% дел. В 1927 г. намечено более широкое развертывание работы по реализации марийского языка. 8 ноября 1926 г. пленумом областного суда было предложено народным судьям и народным следователям проводить судоговорение с марийцами на их родном языке, а там, где имеются секретари марийцы, на марийском языке вести и делопроизводство; постановлено просить ученый методический совет перевести юридические термины на оба марийских наречия: луговое и горное; печатать бланки на 2 языках — русском и марийском. По данным областного суда с 1 октября 1926 г. по 1 января 1927 г. на марийском языке 13 нарсудами проведено судоговорение полностью по 258 уголовным и 449 гражданским делам, частично по 429 уголовным, 415 гражданским делам. Общее число дел, оконченных в течение этого времени народными судами, составило 2.714. Количество дел, рассмотренных на марийском языке, почти охватывает все те дела, в которых участвовали марийцы. Делопроизводство на марийском языке не велось. Причина этого та, что из 22 народных судов только в 4 имеется полный подбор марийцев.

С половины декабря 1926 г. начались попытки перевода на марийский язык делопроизводства в этих участках. Судьи указывают, что на марийском языке нет возможности излагать приговоры и решения, не беря на себя большой ответственности за правильность изложения.

Народные следователи опрос марийцев вели также на марийском языке.

Судебно-следственные работники считают необходимым открытие курсов для прохождения литературного и юридического языка.

Реализация языка на первоначальной еще стадии находится в Ойратии. В кавказских национальных областях судоговорение в 1927 г. постепенно переходит на национальные языки.

Проведение реализации в русских губерниях начато только в 1926 г. По отчету СНК РСФСР о деятельности за 1924/25 и 1925/26 г.г. к началу 1927 г. в Астраханской губернии 2 камеры частично применяли татарский и казакский языки, в Воронежской губ. 2 камеры вели судоговорение на украинском языке, в Нижегородской—1 на татарском, в Саратовской—1 на татарском и 1 на мордовском, в Псковской—1 на еврейском и на Урале—8 на коренных языках.

Подводя итог ходу реализации местных языков, нужно сделать следующие выводы:

1) ход реализации зависит от достаточности сети, качества состава не только ответственных, но и технических работников, достаточности юридической литературы на национальных языках, особенно кодексов;

2) развертывание реализации в союзных автономных республиках проходит интенсивно, в национальных областях и местностях губерний РСФСР слабо;

3) судоговорение на национальные языки переводится быстрее и легче, чем делопроизводство; темп перевода делопроизводства должен быть усилен, но не форсирован;

4) реализация языка в суде и следствии должна проводиться постепенно, начиная с пассивной реализации и переходя к активной; при невозможности немедленно провести пассивную реализацию следует широко использовать переводчиков, обращая особенное внимание на качество состава их;

5) органы юстиции каждой национальности должны заняться выработкой юридической терминологии на национальных языках;

6) при проведении реализации необходимо вести гибкую национальную политику, используя, где невозможно обслуживать население разных национальностей одним языком, параллельное делопроизводство;

7) в городах с разнообразным национальным населением должно допускаться отступление от территориального принципа районирования в пользу национального.

В. Шохор.

Деятельность низовой (уездной и районной) прокуратуры ¹⁾.

(По материалам обследования НКРКИ СССР).

(Окончание ²⁾).

3. Судебная работа прокуратуры

Участковая прокуратура в лучшем случае с двумя ее работниками на уезд (округ) физически не в состоянии охватить в должной мере всю сеть народных судов.

Обследование судебной работы прокуратуры в Лысогорском народном суде (Саратовской губ.) показывает, что в течение года пом. прокурора в качестве обвинителя выступил два только раза, и то по совершенно случайным делам. Выступлений прокуратуры по гражданским делам вовсе не было. Аналогичное положение отмечается также по Иваново-Вознесенской и Московской губерниям. При чем в первой обнаружено абсолютное отсутствие прокуратуры в гражданском процессе.

Ревизионный акт Центральной Прокуратуры по Московской губернии гласит:

«Случаи выступлений пом. прокурора в процессах, близко затрагивающих интересы крестьянства (дела о конокрадстве, хулиганстве и т. п.), следует считать совершенно единичными, ибо то небольшое количество выступлений в судебных заседаниях уездных пом. прокурора, которое имело место, относится, главным образом, к выездным сессиям губсуда, реже к нарсудам уездного города и, как редкие исключения, к волостям; так что говорить в этой области о какой-либо смышке с деревней пока преждевременно. Так, по всему Орехово-Зуевскому уезду за 9 месяцев было всего лишь 14 выступлений пом. прокурора в судебных заседаниях нарсудов. Из них 6 в выездных сессиях, при чем несколько выездных сессий были на фабриках, по Егорьевскому уезду всего 10 выступлений пом. прокурора имели место в городах, по Волоколамскому уезду было лишь одно выступление» (Ревизионный акт

¹⁾ Печатается в порядке обсуждения. Редакция.

²⁾ См. № 37 „Е.С.Ю.“

Центральной Прокуратуры по Московской губернии—стр. 8—9). Такое же положение вещей целиком и полностью подтверждается обследованием НК РКИ Красно-Пресненской камеры районного прокурора.

Характерно также, что по произведенному обследованию 100 дел о растратах в нарсудах Красно-Пресненского и Хамовнического районов Москвы не обнаружено ни одного выступления прокурора. Между тем, среди этих дел имелись и весьма значительные как по условиям преступления, так и по размерам растрат.

По Саратовской губ. выступление прокуратуры в нарсудах иллюстрируется следующими цифрами: в 1924 г.—0,09%; в 1925 г.—0,26%; в 1926 г.—1,4%.

Не лучшая картина рисуется из ревизионного акта Прокуратуры Республики в отношении прокуратуры Северо-Кавказского края.

«Таким образом,—говорится в этом акте,—из результатов пяти обследованных ревизионных объектов ясно устанавливается крайне слабая судебная работа в краю участковых пом. прокуроров в народных судах, которые фактически остаются без участия в них прокурорского надзора».

Выступление прокуратуры в нарсудах 12 губерний (Архангельская, Астраханская, Вологодская, Вотская, Иваново-Вознесенская, Марийская область, Нижегородская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Уральская область, Череповецкая) выражается в следующих цифрах: при 202.970 заслушанных уголовных дел количество выступлений прокуратуры выражается в цифре—2.843 (или 1,4% (данные по отчету Центральной Прокуратуры за 1926 год).

Еще незначительнее процент выступлений прокуратуры в работе нарсуда по гражданскому процессу (0,36%). Выступления прокуратуры по уголовным и гражданским делам в условиях деревенских камер (данные отчета Центр. Прокуратуры за 1926 г.) распределяются следующим образом: за вторую половину 1926 года количество выступлений прокуратуры по нарсудам в деревне выразилось: по уголовным делам—4.062, а по гражданским—2.212.

Относящиеся сюда данные с первого взгляда рисуют как бы полное благополучие. Так, в отношении уголовного процесса имеются следующие цифры.

По Саратовской губ. заседания УКО посещались прокуратурой: в 1924 г. в количестве 23%; в 1925 г. в количестве 60%, а в 1926 г.—100%.

По Северо-Кавказскому краю процент участия в УКО по округам колеблется от 26% до 100%.

По Московскому губсуду участие прокуратуры в работе УКО выражается в 11,6% (2 половина 1926 г.).

Данные по 19 губерниям за 1926 г. среднее участие прокуратуры в УКО определяют в 44,1% (данные отчета Центр. Прокуратуры за 1926 г.).

Несколько хуже, но все же далеко не безнадежной (если не говорить об отдельных губерниях), рисуется с первого взгляда и работа прокуратуры в ГКО. Здесь данные таковы. По Саратовской губ. это участие выражалось: в 1924 г.—в 12%, в 1925 г.—в 9% и 1926 г.—в 17%.

Согласно отчета Центр. Прокуратуры процент участия прокуратуры в ГКО по 13 губерниям выражается в среднем в 13,4%.

Отстает лишь Московская губ., где соответствующий процент выражается в 4,8%, и Северо-Кавказский край со своим 1,6%.

Но совершенно иначе обстоит дело и в отношении УКО, и в отношении ГКО, если эту работу проанализиро-

вать с точки зрения участия в ней не прокуратуры в целом, а с точки зрения участия в ней именно низового агента прокуратуры, т.-е. прокурора участкового.

Тут картина резко меняется. Оказывается, что, как правило, вся работа в УКО и ГКО выполняется не участковым прокурором, а прокурором (нередко специально только этим занятым) из губернского центра. Таким образом, участковый прокурор, как правило, с делами его района не только не знакомится в первой инстанции, но и тогда, когда, согласно поступившим по ним жалобам, опи слухат предметом суждения второй инстанции.

Надо ли доказывать, что вопрос о замене участкового прокурора представителем из центральной губернской камеры не есть вопрос техники. Не принимая участия в разрешении судебных дел его района, ни гражданских, ни уголовных, ни в первой инстанции, ни во второй, участковый прокурор тем самым демонстрирует полный свой отрыв от той части работы, которая должна была являться для него основной.

Непормальность существующего положения вещей осознана Московской прокуратурой, установившей порядок, согласно которого каждый участковый прокурор один день в месяц обязан посвятить работе кассетстанции губсуда. На деле, однако, и эта скромная задача выполняется далеко не полностью. Так, по всем 6 районам г. Москвы за январь—апрель т. г. участие районных прокуроров и кассетстанции губсуда выразилось:

По Красно-Пресненскому району	1 раз
„ Хамовническому „	2 „
„ Замоскворецкому „	—
„ Сокольническому „	2 раза
„ Бауманскому „	3 „
„ Рогожско-Симоновскому „	2 „

Поскольку пом. прокурора в работе нарсуда фактически не участвует, постольку его вмешательство в судебную жизнь района в порядке кассации и надзора носит совершенно случайный, а потому недостаточный характер.

Так, из 850.270 приговоров, вынесенных в нарсудах РСФСР за 1926 г., кассационным опротестованиям прокуратуры подверглись лишь 2.748 приговоров, т.-е. только 0,4% (данные отчета Центр. Прокуратуры за 1926 г.). Ничтожность этого процента (по отдельным районам еще более понижающего) тем более бьет в глаза, если принять во внимание, что по обжалуемым уголовным делам 42,7% приговоров признаются в УКО неправильными и подвергаются отмене или частичному изменению (данные Центр. Прокуратуры за 1926 г.).

Немногом лучше рисуется надзорная практика прокуратуры. Так, за 1926 г., при общем количестве 850.270 заслушанных в судебном заседании уголовных производств, в порядке надзора было затребовано лишь 36.371 дело, из которых опротестованию подвергалось лишь 15,3% (данные Центр. Прокуратуры за 1926 г.).

Еще слабее обстоит дело с кассационной и надзорной практикой прокуратуры в области гражданского судопроизводства.

Между тем, и та ничтожная по своим размерам кассационная и надзорная работа прокуратуры, о которой говорят приведенные здесь цифры, в подавляющей своей массе выполняется опять-таки не участковой прокуратурой, а прокуратурой губернской камеры, в лице специально выделенных ею для этого работников.

На фоне обрисованного безучастия участкового прокурора ко всей текущей работе нарсуда абсолютно бюрократическим явлением является действующий в Московской губернии порядок, согласно которого нарсуды систематически направляют соответствующим участковым про-

курорам копии всех своих приговоров. В этом порядке Красно-Пресненским, напр., прокурором из 17 находящихся в его районах участков нарсуда было получено: в декабре 1926 г.—1.690 копий приговоров, в январе 1927 г.—987, в феврале—794 и в марте—1.069. Надо ли доказывать, что при существующем положении вещей эти кипы приговоров, с большими трудностями изготавливаемые нищенскими средствами нарсуда, служат лишь объектом для подшивки по «соответствующим» канцелярским порядкам.

4. Общественно-политическая работа прокуратуры.

В основном общественно-политическая работа участковой прокуратуры выражается:

а) в пропаганде на широких собраниях трудящихся советского права, в частности в постановке отчетов о деятельности прокуратуры;

б) в участии прокуратуры в жизни местной прессы и отчасти

в) в привлечении так называемых общественных обвинителей.

Согласно установленной НКЮ РСФСР норме, участковым прокурорам вменяется в обязанность не реже 3 раз в месяц выступать с докладами на широких собраниях. Таких выступлений прокуратуры по РСФСР за 1926 г., насчитывается свыше 25 тысяч, из которых большинство—13.171—приходится на крестьянские собрания (отчет Центр. Прокуратуры за 1926 г.). Приведенные цифры, близко совпадающие с наблюдениями исследователей, свидетельствуют таким образом о большой активности прокуратуры в деле пропаганды советского права.

Надо ли, однако, доказать, что затрачиваемая здесь большая энергия имела бы совершенно иные результаты, если бы активность прокуратуры была бы соответствующим образом подхвачена организованною самодеятельностью масс. Между тем, если не говорить о более или менее случайной сети юридических кружков и консультаций, бессистемно и в совершенно недостаточном количестве разбросанных по отдельным клубам и избам-читальням, дело самодеятельной организации масс вокруг вопросов практического осуществления права, остается совершенно неналаженным. Из материалов же обследования совершенно не видно, чтобы прокуратура, наряду с чтением докладов о революционной законности, обращала свое внимание в эту сторону. Так, по Аткарскому уезду Саратовской губ. участковая прокуратура за 2 половину 26 г. провела 10 докладов на различные темы о праве. И в то же самое время ею не принято было никаких организационных мер по созданию в помощь населению соответствующего органа, который практически помог бы трудящимся добиваться на месте осуществления права. Между тем, в одной Лысогорской в. Аткарского уезда имеется налицо: 60 учителей, 7 избачей, 14 ликвидаторов неграмотности, волостная парторганизация в 39 человек, местком сотворгслужащих в 120 чел., комсомольский актив в 73 ч., 33 работника кооперации, 10 работников ККОВ, 50 селькоров, 9 общественных обвинителей, судья, следователь, член коллегии защитников, 12 милицеских работников, 2 агронома, 4 врача и пр. Сюда, несомненно, можно также прибавить определенное количество вернувшихся к сохе красноармейцев, получивших на военной службе ту или иную подготовку в области общей и политической грамотности. Из всего этого кадра людей, после тщательного социального отсева, совершенно не без-

надежным делом является попытка организации при ВИК'е или даже сельсоветах административно-правовых секций с установкой ведения систематической и практической работы по отстаиванию на месте революционного закона.

Приблизительно в таком же виде рисуется участие прокуратуры в жизни местной прессы и в деле привлечения к работе нарсуда общественных обвинителей. И в том и в другом случае деятельность прокуратуры проводится так-сказать от случая к случаю. Откликаясь на злобу дня, прокурор довольно часто помещает свои статьи и заметки в газеты, печатные и стенные. Таких выступлений прокуратуры в печати насчитывается по РСФСР за 1926 г. 2.457. Прокурор охотно, повидимому, откликается также на съезды и конференции рабселькоров. Но и здесь отсутствует постоянная организационная увязка, поскольку слабость такой увязки проходит характерной чертой во всех вообще взаимоотношениях между прокуратурой и самодеятельностью масс.

Связь прокуратуры с общественными обвинителями, согласно обследования, также является кустарнической. Как правило, в суде общественный обвинитель выступает очень редко, и то преимущественно по случайным поводам. Соответствующие цифры отчета Центральной Прокуратуры за 1926 г. рисуют следующую картину: за вторую половину 26 года 20.514 общественных обвинителей выступило в суде лишь 3.771 раз. Таким образом, за полгода одно выступление в суде приходится на пять с лишним общественных обвинителей. Такая цифра достаточно говорит сама за себя. А если принять во внимание, что в общей системе работы прокуратуры участие в судебных заседаниях является лишь частностью, то нужно сказать, что никаким активом в лице общественных обвинителей прокуратура в настоящее время не располагает.

М. Полевой-Генкин.

Советское семейное право и венгерский суд.

1. Проф. В. М. Корецкий в своей рецензии на мою работу «Советское право за рубежом» замечает, что «автор отдал книгу свою преодолению (в значительной мере) уходящему», почему и самую книгу правильнее было бы назвать «Историей советского права за рубежом» («В.С.Ю.» 1927 г., № 9/10).

Насколько глубоко ошибается рецензент в этом своем выводе, показывают примеры из новейшей иностранной судебной практики, в частности, по вопросам советского семейного права. Хотя советское семейное право представляет собою не сферу ликвидации дореволюционных правоотношений (как дела о национализации), а лежит в плоскости повседневной текущей правовой жизни, однако, и здесь, как и на других участках советского права, все еще происходят глубокие конфликты при соприкосновении советского права с иностранными судами. Все еще наряду с вдумчивым и объективным анализом советского права мы встречаем, по выражению одного французского юриста, «легальное игнорирование» советского права, а равно и отказ применять таковое в силу оговорки о внутреннем «публичном порядке». Таким образом, приходится признать, что борьба за легализацию советского права за рубежом далеко еще не закончена, и принадлежит не ушедшему прошлому, а полному актуальности настоящему.

Вот любопытная страничка из современной западноевропейской юстиции, иллюстрирующая принципиальное отношение к советскому семейному праву со стороны суда страны, не признавшей до сего времени СССР ни де-юре ни де-факто, а именно Венгрии.

Предварительно небольшое замечание.—Как известно, во время мировой войны в России находилось довольно значительное количество военнопленных-венгров. Многие из них заключили здесь браки с русскими гражданками, а затем во время эвакуации выехали со своими женами к себе на родину. О силе этих советских браков, исчислявшихся сотнями, в практике венгерских судебных учреждений возник вопрос,—вопрос, который венгерский юрист (проф. Маджиари) склонен считать вопросом «чрезвычайно трудным и деликатным» (!) (см. *Journal du droit international-Clunet* 1927, стр. 216).

Отрицательное решение этого вопроса означает лишение правовой защиты сотен женщин, доверившихся тем, кого они считали своими мужьями; после такого решения эти мужья в любой момент могут их бросить на произвол судьбы.

Как посмотрел на данную проблему венгерский суд?

2. 21 мая 1926 г. венгерским королевским высшим судом было вынесено решение по следующему делу. Истица—русская гражданка—заключила в Москве 11 августа 1922 г. с ответчиком—венгерским гражданином—брак, зарегистрированный в ЗАГС'е. Затем стороны переехали в Венгрию, где (по вине мужа) разошлись. Истица требует по суду алименты. Ответчик возражает, доказывая, что истица не является его женой, так как брак, заключенный на основании советского права, нельзя признавать браком. Обе судебные инстанции, рассматривавшие дело по существу, отклонили иск на том основании, что брак, заключенный по советскому праву, с точки зрения венгерских законов нельзя считать действительным. Высший суд отменил решение в силу процессуального нарушения, а именно в виду того, что вопрос о действительности брака надлежало разрешить в особом преюдициальном процессе¹⁾. (см. решение в «*Ostrecht*» 1927, № 1 стр. 110 и в *Journal du droit international* 1927, стр. 215—217).

В примечании к данному решению авторитетный венгерский юрист (председатель высшего патентного суда) Шустер указывает, что высший суд пока что оставил в стороне вопрос о действительности советского брака. Мнения венгерских юристов—свидетельствует Шустер—по данному вопросу расходятся. «Министерство же юстиции стоит на той же точке зрения, что подобный брак в Венгрии не может быть признан действительным, и притом не только потому, что Венгрия до сего времени не признала Советско-Русскую Республику ни де-факто ни де-юре, но, главным образом, потому, что подобный брак лишен всякой правовой и этической основы, без чего нельзя мыслить брак. Брак, который сегодня без всяких формальностей (?) заключается, а завтра без какого-либо правового повода по желанию лишь одной из сторон расторгается, представляет собою конкубинат, а не брак».

После такого многообещающего истолкования сущности советского брака со стороны венгерского министерства юстиции не является неожиданной та позиция, которую

¹⁾ Анализируя данное решение с процессуальной точки зрения вышеупомянутый венгерский юрист Маджиари отмечает, что, в сущности, вопрос о действительности брака вовсе не является строго преюдициальным, ибо поскольку муж заключил с женой брак, он должен заботиться о ее существовании, а приостановление дела практически оставило бы жену без алиментов, пока другой суд не разрешит вопроса о силе брака (там же, стр. 216). **Е. Н.**

заявил по данному вопросу венгерский высший суд в своем решении, опубликованном по другому делу спустя некоторое время. (23 февраля 1927 г.—Решение напечатано в «*Zeitschrift für Ostrecht*». 1927 г. № 4, стр. 620—623 с объяснительными примечаниями венгерского юриста Шустера и немецкого юриста Фрейнда).

3. Обстоятельства дела представляются в изложении высшего суда в следующем виде.

Как явствует из выписки Акмолнинского ЗАГС'а, венгерский гражданин, находившийся в плену (первый ответчик по делу), вступил со второй ответчицей по делу—жительницей русского города Петропавловска,—в так. наз. (!) советский брак; в выписке обозначено, что обе стороны согласились носить имя мужа и объявили, что они добровольно вступили в брак и что законных препятствий к браку не имеется.

Государственный прокурор выступил в качестве истца, требуя признать, что между сторонами не существует брачных отношений, так как советский брак не является браком с точки зрения венгерских правовых и этических воззрений.

Во время судебного разбирательства ответчик заявил, что в момент вступления в так наз. (!) советский брак он состоял в законном браке с К. Б., живущей в Венгрии, с каковой и поныне состоит в браке, а с ответчицей он в действительности в брак не вступил, а имел лишь в виду вступить с нею в сожительство, могущее быть в любой момент расторгнутым. Ответчица же заявила, что она не знала о существующем браке, и что перед русским отделом записи актов гражданского состояния они заключили действительный брак, от которого родился ребенок.

Разрешая данный вопрос, высший суд исходит из § 113 венгерского семейного закона, согласно которому действительность брака в отношении формальных требований рассматривается с точки зрения законов, действующих в месте и во время совершения брака.

Обратившись к анализу соответствующих статей Советского Семейного-Брачного Кодекса 1918 г., высший суд пришел к следующему заключению:

«Хотя данный брак, повидимому, соответствует формальным требованиям действовавших тогда русских законов, однако, высший суд не может считать брак заключенным на основании этого так. наз. (!) закона браком, соответствующим брачному праву венгерской нации или иных культурных народов (!), равно как общему этическому воззрению на брак, ибо подобного рода соглашение, не обязывающее супругов, вопреки этическому характеру брака, к длительной совместной жизни, могущее быть односторонне аннулированным любой стороной по своему произволу без вины и без согласия другой стороны, противоречит венгерскому семейному закону, допускающему расторжение браков лишь в виде исключения, в случае вины одной из сторон или обеих сторон вместе, и несовместимо с нашими этическими чувствами. С точки зрения общепринятых международных правил, нашедших в частности выражение и в п. 5 § 414 венгерского гражд. проц. код. и § 33 вводного закона к нему, можно не применять такие иностранные законы или правовые нормы, осуществление которых несовместимо с гуманностью (!), этическими воззрениями и внутригосударственными законами».

В силу этих соображений—заключает высший суд—«брак», заключенный ответчиком в Советской республике перед советским органом не может рассматриваться как брак с точки зрения наших законов и этических воззрений.

Замечания Шустера к данному, по своим выводам истине беспримерному, судебному решению весьма лако-

ипичны и полны энического покоя. Шустер приветствует, что решение не затрагивает политического вопроса о признании либо непризнании (Советских Республик (как будто решение не является сплошь актом политической нетерпимости!). Он одобряет и решение по существу, считая, что «его обоснование убедительно и соответствует нашим законам, нашим этическим воззрениям и нашему правосознанию». И это все!

Вслед за замечаниями Шустера помещены возражения хорошо известного советским читателям немецкого юриста Фрейнда, в которых аргументация высшего суда подвергается решительной критике.

4. Основные соображения Фрейнда таковы:

Советское брачное право, действительно, существенно отличается от венгерского права. Однако, аналогичные существенные отклонения от венгерского брачного права имеются и в других странах. Так, законы стран, признающих брак религиозным институтом (напр., Австрия) находятся в фундаментальном противоречии с браком венгерского права, представляющим собою институт частного права. Несомненно, что отклонение венгерского права от австрийского не менее существенно, чем его отличие от советского права. И, однако, ни один венгерский суд не приходил к мысли, в силу этих отклонений, объявить недействительным брак, заключенный венгром-католиком в Австрии.

Действительно ли безнравственно право свободного развода? Не следует ли, напротив, отстаивать с этической точки зрения мнение о том, что продолжительность существования супружеских уз должна быть предоставлена свободному усмотрению самих супругов? В праве свободного развода заложено требование, что мужчина и женщина должны принадлежать друг другу в силу свободного, не скованного никакими оковами влечения, что лежащее в основе заключения брака соглашение нести вместе пошлу супружеской жизни—должно быть налицо не только в день заключения брака, но возобновляться изо дня в день—поистине правило, предъявляющее к супругам самые высокие нравственные требования!

Опасность возможных злоупотреблений, состоящих в том, чтобы, добившись при посредстве заключения брака сближения, затем брак расторгнуть, отрицать, конечно, нельзя. Но нужно иметь в виду, что соответствующие органы и общественное мнение с подобными бесчестными действиями борются и подводят их под признаки уголовно-наказуемого изнасилования.

Не взирая на право свободного развода, советский брак устанавливает общность совместной жизни и труда. Отдельные черты его, в особенности же уравнение женщины и мужчины, хотя и отличаются от венгерского права, однако, исходят равным образом из идеальных побудительных причин, а именно имеют целью предотвратить порабощение и эксплуатацию жены ее мужем. Форма же заключения брака в РСФСР соответствует форме, существующей в Венгрии. «Высший суд заблуждается—справедливо отмечает Фрейнд,—думая, что он говорит от имени всех культурных народов, так как высказанное в Венгрии в данном решении воззрение о том, что советский брак вовсе не есть брак, насколько мне известно, еще ни в одной иной стране не было высказано высшим судом».

В заключение Фрейнд указывает, что с точки зрения венгерского семейного права (§ 113), форма совершения брака подчиняется законам места совершения такового. Последствия же брака следуют отечественному праву супругов, т.е. в данном случае венгерскому праву. Поэтому расторжение брака между сторонами в Венгрии должно было происходить по нормам венгерского права, вследствие

чего иск о признании ничтожным второго брака при существовании расторгнутого первого все равно должен был бы быть удовлетворен: «Вместе с тем, однако, с брака венгерского гражданина в Советской России было бы снято наложенное высшим судом мнимое клеймо позора».

5. К юридической аргументации Фрейнда можно добавить, в сущности, немного. Я останавлиюсь лишь на одном недостаточном им выясненном моменте.

Решение высшего суда опирается на т. н. оговорку о публичном порядке, в силу которой допускается неприменение иностранного права, которое при иных условиях суд должен был бы применить. С точки зрения общепризнанного в теории положения пользование этой защитной оговоркой допустимо лишь тогда, когда применение иностранных правовых норм противоречит публичному порядку (либо «добрым нравам» данной страны). Таким образом, венгерский суд мог бы в данном случае отказаться от применения отдельных материальных норм советского семейного права, тем более что в отношении данных брачных взаимоотношений все равно венгерский закон считает единственно компетентным венгерское право. Но ведь в данном деле спор идет исключительно о форме брака, заключенного в СССР. А советские нормы, устанавливающие порядок совершения браков (порядок регистрации, возраст и пр.), эти нормы, как таковые, ни публичному порядку, ни «добрым нравам» Венгрии отнюдь не угрожают. Еще кое-какие сомнения могут возникнуть, когда поднимается вопрос о действительности гражданского брака, заключенного за границей гражданином государства, признающего исключительно религиозные браки (так было, напр., в дореволюционной России). Но ведь в данном случае форма советского гражданского брака противостоит совершенно аналогичная ему форма гражданского же венгерского брака. Где же здесь посягательство на публичный порядок и «добрые нравы» Венгрии. Правда, высший суд очень недоволен советской системой свободы развода, но ведь вопросы развода относятся к последствиям брачных отношений, а форма составляет предпосылку таковых. Критикуя материально-правовые взаимоотношения супругов по советскому праву, высший суд бьет явно не по адресу, ибо в данном деле весь вопрос ограничивается исключительно проблемой признания действительности формы советского брака. Спутав совершенно различные вещи, суд пришел к самому абсурдному выводу, хотя и прикрытому мнимо-юридическим обоснованием.

Как-то не верится, что высокий судебный орган страны с весьма развитой наукой права не разбирается в таких элементарных понятиях международного частного права. Может быть, поэтому бесполезно сослаться на школьный пример, который можно найти во многих учебниках международного частного права: если, напр., турок, живущий во многоженстве, предъявит в Германии иск о принуждении к совместной жизни его второй жены, бежавшей в Германию, то такой иск, как требующий применения иностранного брачного права вопреки немецким «добрым нравам», должен быть отклонен. Напротив, если многобрачие является предварительным (преюдициальным) вопросом для существующего правоотношения, то такое многобрачие и в Германии может считаться имеющим силу. Поэтому, напр., если после смерти турка останется сын от второй его жены, то такому сыну нельзя отказать в праве предъявить в немецком суде иск о наследстве. (См., напр., Walker, Internationales Privatrecht 1924, стр. 262—263). То, что сказано о Германии, приложимо, конечно, в полной мере и к Венгрии.

Получается курьзная картина: Венгрия, страна единобрачия, отрицает действительность заключенного в Советском Союзе моногамического брака и склоняется перед действительностью заключенного в другой стране полигамического брака.

Личности тут мало, но, конечно, не в логике и юридических конструкциях запряганы исходные нити приведенного решения.

Правда, можно, на первый взгляд, и так понять высший суд, что он вообще отрицает существование самого института брака в СССР. Но тогда пришлось бы сделать такой неизбежный и нелепый вывод, что вот уже 10 лет как в стране с 140-миллионным населением господствуют беспорядочные внебрачные сношения; что миллионы мужчин и женщин, полагающие, что они связаны узами брака, в действительности состоят в кратковременном половом сожителстве, что все рождающиеся в этой стране дети являются внебрачными и пр., и пр.

Впрочем, нелепость подобного вывода, возможно, чувствуется и сам высший суд. Во всяком случае в своем обосновании решения он предпочитает отступить на более защищенную позицию, а именно укрыться за оговорку публичного порядка. Но так как, как только что было показано, оговорка эта к данному случаю никакого отношения иметь не может, то падает все юридическое построение суда, с какой бы стороны к нему ни подходить.

Конечно, разгадку данного решения нужно искать в мотивах не юридического, а социально-политического характера. Ибо и здесь, на этом маленьком уголке частной жизни и личных интересов, отражается борьба классовых интересов. Напрасны все попытки обосновать решение с точки зрения отвлеченных формул права. Решение это продиктовано весьма прозрачными политическими тенденциями, смысл и значение которых ясно для всякого беспристрастного читателя. Но оценка решения с этой стороны не входит в задачи настоящих строк.

Е. Кельман.

УССР, гор. Киев.

Взятка и общественный интерес¹⁾.

Судебный исполнитель Гусев, приведя в исполнение решение суда об отобрании у одних крестьян в пользу других 200 пудов пшеницы, получил за это в свою пользу от истцов 20 пудов того же зерна.

Как квалифицировать в данном случае преступление, совершенное этим судебным исполнителем? Должностное лицо получило дар за выполнение действия, которое оно должно было совершить вследствие своего служебного положения, при чем это действие совершено в интересах тех, от кого оно это дар получило.

Налицо все признаки ст.ст. 117 и 118 УК, т.-е. взятка, а между тем взятки здесь нет и преступление это должно квалифицироваться не как взятка, а как злоупотребление властью, предусмотренное ст. 189 УК. Так, по крайней мере, разъясняет интересующий нас случай определение Верховного Суда, приведенное в сборнике его определений за 1924 год, и с правильностью этого разъяснения нельзя не согласиться.

В действиях судебного исполнителя мы усматриваем все моменты, характеризующие взятку, чего нельзя сказать о другой стороне, крестьянах, в пользу которых он приво-

дил в исполнение решение. Уделяя судебному исполнителю 20 пудов зерна, они находились в добросовестном заблуждении, что ему это причитается по закону и не подозревали, что совершают нечто противозаконное; в их действиях не было умысла дать взятку, и они в данном случае не являются взяткодателями. А если нет взяткодателя, то не может быть и взяткополучателя; взятка, как преступное деяние, обязательно предполагает, что оно совершено по меньшей мере двумя лицами, из которых один дал, а другой получил взятку.

Это положение является бесспорным, как заключающееся в самом понятии «взятка», и в сомнительных случаях оно может служить для распознавания того преступления, которое совершено и истинный характер которого по тем или иным причинам возбуждает сомнение.

Бывший налоговой инспектор, а затем просто служащий какого-то учреждения, Алешин, обещал крестьянам села Харламовского, пострадавшим от градобития, что если они ему уплатят некоторую сумму денег и дадут известное количество зерна, их освободят от налога. Многие из привлеченных крестьян, давших Алешину деньги и зерно, а последнего, принявшего эти дары, по обвинению во взятке?

И в этом случае Верховный Суд не находит возможным квалифицировать это преступление по 117 ст. УК, т. к. здесь обратное случаю, приведенному нами выше, есть взяткодатель, но нет взяткополучателя. Алешин не мог быть обвинен во взяточничестве, т. к. по роду своей службы он не был в состоянии каким бы то ни было образом влиять на привлечение обманутых им крестьян к налогу или освободить их от него, а потому данный случай должен, по мнению Верховного Суда, рассматриваться как мошенничество (Сборник определений Верховного Суда за 1925 г. № 212146).

Крестьяне села Харламово совершили все те действия, которые характеризуют взяткодательство, их умысел был направлен на совершение именно этого преступления, но так как в этом деле нет другой стороны, взяткополучателя, то нет и самого преступления взяткодательства и взяткополучательства.

Отметим, что когда несколько лет тому назад на страницах «Е. С. Ю.» обсуждался вопрос, можно ли обвинить в взяткодательстве человека, давшего взятку лицу, оказавшемуся впоследствии не служащим, правильный ответ на этот вопрос был получен лишь тогда, когда для разрешения его был применен именно тот метод, которым пользуется в приведенных нами случаях Верховный Суд.

«Вопрос в том, что быть виновным в даче взятки», совершенно правильно указывает в своей статье, посвященной этому вопросу, т. Вышинский, «можно лишь при наличии лица, виновного в получении взятки» («Е. С. Ю.» № 29 от 1923 г.).

Точка зрения Верховного Суда на взятку, как на преступление, которое обязательно предполагает участие наряду с взяткополучателем взяткодателя, имеет, таким образом, как мы видим, свою историю и притом не только прошедшую, но и давно прошедшую. Так, если мы обратимся к дореволюционному уголовному уложению 1903 г., вернее к объяснительной записке его составителей, то и там мы найдем такое же указание, что для наличия мошенства, как называется там взятка, необходима личность лиходелателя и взяткополучателя.

Но вот совсем недавно, рассматривая в кассационном порядке дело нескольких московских фининспекторов и торговцев, из которых первые обвинялись в получении, а вторые в даче им взятки, Верховный Суд вынес определение, которое резко порывает с изложенным выше воззрением его на взятку, как на преступление двустороннее

¹⁾ Печатается в порядке обсуждения. Редакция.

и устанавливает новое положение, правильность которого вызывает некоторые сомнения. В этом определении Верховный Суд, остановившись на роли, которую играли в данном деле торговцы-взяткодатели, усмотрел, что «взаимоотношения фининспекторов, принимавших взятки, и торговцев-взяткодателей выявляют в настоящем деле не обычное взяточничество, предусматриваемое ст.ст. 117 и 118 Уг. Код., а определенное стремление крупных представителей частного капитала установить путем подкупа такую связь с ответственными должностными лицами налогового аппарата, которая дала бы им возможность избежать уплаты значительных налогов». И отсюда Верховный Суд делает вывод, что «система подкупа фининспекторов в настоящем деле была организована так, что по существу представляется явно неправильным разделение осужденных на две группы: взяткодателей и взяточников. Действия всех осужденных надлежит расценить, как единое преступление, совершенное по соучастию и предусмотренное 2 ч. 117 ст. УК. Применение же судом к взяткодателям 118 ст. УК неправильно». Еще ~~тогда~~ что эти взяткодатели не ограничивались только дачей взятки, а ~~органически~~ участвовали в самых преступных действиях должностных лиц (цитируется по отчету «Известий» за 12/VI—27 г. № 132).

Здесь Верховный Суд отказывается от своего прежнего утверждения, что наличие взятки обязательно предполагает «две группы виновных: взяточников и взяткодателей» и рассматривает взяткодателя, как соучастника преступления, предусмотренного 2 ч. 117 ст. УК.

Вопрос о возможности соучастия во взяточничестве со стороны частных, не должностных, лиц в свое время подвергался подробному обсуждению, и можно сказать, что положительное разрешение этого вопроса сейчас уже не возбуждает сомнений с той лишь оговоркой, что исполнителем этого преступления все же может быть исключительно должностное, а не частное лицо.

Но из этого положения нельзя, конечно, сделать вывода, что взяткодатель может быть привлечен к ответственности как соучастник взяточника в тесном смысле этого слова.

Не подлежит никакому сомнению, что взяткодатель и взяткополучатель в тесном смысле слова являются соучастниками одного и того же преступления, но соучастие в этом преступлении каждого из них составляет особое преступление, предусматриваемое специально созданными для каждого из них в отдельности нормами. Поэтому как невозможна замена понятия «соучастие» в тесном смысле слова более широким его значением, так точно представляется неправильным привлечение взяткодателя не по ст. 118, а по ст. 117 УК.

До самого последнего времени, как мы видели, это положение не возбуждало никакого сомнения и в каждом случае взятки в действие приводились две ст. УК: 117 и 118, теперь же, если приведенное определение Верховного Суда получит дальнейшее распространение и приложение, целая категория дел, какая именно мы укажем дальше, получит несвойственное им оформление, и мы встретимся с таким положением, когда налицо будет взяткополучатель без того, чтобы взятка была дана, или же взяткодатель окажется в положении лица, дающего самому себе взятку; и то и другое допущение противоречит логике.

Какими же причинами обуславливается происшедшая перемена во взглядах Верховного Суда на двусторонний характер этого правонарушения и в каких случаях суду надлежит применять вместо 118 ст. 117 ч. 2 УК?

Ответ на последний вопрос мы находим в самом вышеприведенном определении Верховного Суда.

Это не обычные случаи взяточничества, а именно те, где суд встречается «с определенным стремлением крупных представителей частного капитала установить путем подкупа такую связь с ответственными должностными лицами», которая дала бы им возможность обогатиться за счет казны, т.е. нанести ущерб государственным интересам.

Иными словами Верховный Суд говорит о таком случае взяточничества, когда виновные своими систематически совершавшимися действиями «установили связь», причинили государству значительный («крупные представители частного капитала» «ответственные должностные лица») ущерб.

Здесь мы имеем случай квалифицированного взяточничества, предусмотренного ч. 2 ст. 117 УК, отягченного еще одним моментом, который в нынешней редакции ст. 117 ч. 2 не упоминается, но который имел значение усиливающего вину обстоятельства в ст. 114 УК прежнего издания.

Почему же случаи особо тяжкой и специально опасной преступной деятельности обвиняемых требуют по отношению к взяткодателям квалификации не по ст. 118, а 117 ч. 2 УК? Очевидно, потому, что установленная ст. 118 санкция является, по мнению Верховного Суда, слишком незначительной и не достигающей своего назначения, а также потому, что она ни в коей мере не может считаться находящейся в соответствии с наказанием, которому в этих случаях подлежат виновные в том же преступлении должностные лица.

Мысль, что в данном случае Верховный Суд руководствовался именно этими соображениями, напрашивается сама собой, и ничем другим, как только этим предположением может быть объяснено происшедшее изменение во взглядах Верховного Суда на природу взятки.

Эта перемена во взглядах Верховного Суда должна рассматриваться, таким образом, не как результат обнаружившейся ошибочности или несправности прежнего учения его о взятке, а привнесена, так сказать, извне, явившись следствием такого обстоятельства, которое не могло не отразиться на практике Верховного Суда, являющегося прежде всего органом судебным.

Обстоятельство это заключается в том, что, как известно, новелла о взятке в действующем уголовном законодательстве в отличие от ст.ст. 114 и 114-а УК прежней редакции не рассматривает причинение государству убытка как момент, отличающий взятку, это, с одной стороны, в то же время максимальной мерой наказания для взяткодателя является лишение свободы на пять лет, в то время как для взяткополучателя наказание может быть доведено до высшей ее меры.

Мы не знаем, какие соображения побудили законодателя отказаться рассматривать причинение ущерба государству как момент, квалифицирующий взятку, но вряд ли правосознание, воспринявшее достаточно прочно основные начала советского права, может легко усвоить и примириться с этим новым для него воззрением. С точки зрения этого правосознания взятка, полученная ответственным должностным лицом даже путем вымогательства, но без того, чтобы при этом государству был причинен какой-либо материальный ущерб, является значительно менее важным преступлением, чем взятка, полученная без какого-либо принуждения со стороны взяткополучателя, а наоборот, даже навязанная ему, но повлекшая за собой ущерб для дела, т.е. для государственного или общественного органа.

Для этого же правосознания является непонятным, почему взяткодатель, в большинстве случаев извлекающий

ций из преступления большую выгоду и, опять-таки в большинстве случаев, поставленный в лучшие материальные условия, чем взяточполучатель, наказывается мягче последнего.

Почему торговец, извлекая из своего преступления неизмеримо большую выгоду, чем фининспектор, приговаривается к лишению свободы на пять лет, а его соучастник фининспектор за то же нарушение должен быть расстрелян.

Относясь безразлично к материальным интересам государства и повышая наказание для должностных лиц по сравнению с частными (взяточдателями являются большей частью частные лица), законодатель в данном случае, очевидно, руководствовался соображениями принципиальными, имея, главным образом, в виду внедрить в сознание граждан необходимость соблюдения принципа безмездности служебной деятельности должностных лиц безотносительно к тому, влечет ли за собой нарушение этого принципа какие-либо отрицательные материальные последствия для государственного или общественного предприятия или же оно таких последствий иметь не будет.

Отсюда очевидно безразличное отношение ст. 114 к материальным последствиям взятки, отсюда усиление наказания в отношении служащего по сравнению с частным лицом.

Для того же, чтобы эта основная его цель была в данном случае надлежащим образом подчеркнута, законодатель на этот раз отступился от тех своих принципов, которые в других случаях проводились им с такой последовательностью и постоянством, что они заслужили всеобщее признание и утвердилось в коллективном сознании масс.

Так, если мы обратимся к нормам, предусматривающим все другие преступления, кроме взятки, если мы сравним, например, ст. 111 УК со ст. 112, п. «г» ст. 162 с п. «д» той же статьи, ч. 1 ст. 198 со 2-й ее частью, то для нас станет очевидным, что с точки зрения законодателя момент причинения преступным действием материального ущерба тому или иному государственному или общественному учреждению настолько влияет на характер самого преступления, что этим самым как бы изменяется самая его природа.

Мера социальной защиты, применяемая при наличии материального ущерба для коллектива, настолько значительно отличается от наказания, применяемого в обыкновенных случаях, и настолько при этом усиливается, что здесь во всяком случае нельзя говорить о повышении наказания на основании п. «в» ст. 47 УК, допускаемого лишь в пределах максимального наказания за данный род преступления.

В то же время, если государству причинен убыток в связи со взяткой, законодатель не считает, что от этого обстоятельства изменился и самый характер преступления, и судье предоставляется возможность усилить наказание лишь на основании п. «в» ст. 47, не выходя за пределы наказания, установленного за данный род преступления.

Такое воззрение законодателя является для нас во всяком случае непривычным и безотносительно к самодовольствующей ценности заложенного в нем принципа оно не может получить так скоро такого же признания, как другой принцип принцип повышенной ответственности за нарушение интересов общественных.

Не исключая друг друга, оба эти положения при нынешней конструкции 117 ст. как бы вступают в коллизию, не получив одновременного признания, и в силу этого получилось то явление, которое можно назвать разрывом между интуитивным правом или общественным правосоз-

нанием и правом позитивным, нашедшим свое выражение в законодательстве о взятке.

Судейское правосознание подчинено тем же общим психологическим законам, что и правосознание не судебское, но у судей есть еще обязанность судить, а это значит, что судья должен согласовывать свое судебское правосознание с велениями законодателя, и если в результате такого согласования получается вышеприведенное определение Верховного суда, то мы склонны из этого сделать соответствующие выводы, сводящиеся к тому, что в новеллу о взятке необходимо внести некоторые коррективы.

По нашему мнению, 1) к обстоятельствам, квалифицирующим взятку, должен быть присоединен момент причинения материального ущерба государственному или общественным интересам, в связи с чем: 2) мера соц. защиты по 1 ч. 117 ст. может быть снижена и 3) мера соц. защиты по 2 ч. ст. 117 должна быть уравниена с мерой соц. защиты по ст. 118.

Предлагаемый нами проект исправления законодательства о взятке был бы неполным, если бы мы в заключение не остановились на ст. 129 УК.

Нет надобности доказывать, что здесь тоже речь идет о взятке и именно в том ее случае, когда преступление совершается ответственным служащим учреждения путем заключения договора, причиняющего этому учреждению убыток.

Оставляя в стороне вопрос, насколько достаточны основания, в силу которых законодатель счел нужным выделить данный случай из других и рассматривать его как преступление особого рода, отметим лишь, что наказание, устанавливаемое этой статьей, ниже санкции ст. 117 ч. 2.

Отсюда как будто можно сделать вывод, что получение взятки должностным лицом при выполнении им какого-либо хозяйственного задания рассматривается законодателем как менее опасное преступление, чем взятка, полученная при отправлении любой другой служебной государственной или общественной функции, не взирая даже на то, что при этом неперменной составной частью преступления является причинение государству ущерба, в то время как в последнем случае это обстоятельство является привходящим.

Но такой вывод, разумеется, был бы неправильным, и это свидетельствует лишь о том, что в данном случае имеется недосмотр, который должен быть исправлен путем приведения в соответствие, т.е. уравнивания, санкций ст.ст. 117 ч. 2 и 129 УК.

Г. Шликерман.

Дела частного обвинения.

Повседневная практика суда невольно выдвигает на разрешение вопрос о делах частного обвинения. До сих пор эти дела составляют 40—50% из общего числа дел в судах, без того перегруженных более важными как гражданскими, так и уголовными делами. Правительство и Партия все более и более обращают внимание на улучшение работы суда вообще и на суды в частности. Неоспоримо большой процент дел, подсудных нарсуду, заслуживают такого внимания; среди таких дел оказываются и дела частного обвинения. Правда, эти дела иногда глубоко затрагивают личные интересы потерпевшего, государство ставит эти интересы под защиту уголовного закона, но при современном положении все же нельзя оставлять разбор этих дел так, как он есть сейчас: при их разборе соблюдаются все те правила процесса, которые существуют для дел государственного обвинения, сам процесс очень длительный и гро-

моздкий, кроме того, очень дорого обходится государству, в то время как результаты его в смысле предупреждения преступности незначительны. Неоспоримо, что всякое дело частного обвинения при наличии обвинительного приговора, при условии реального приведения его в исполнение материально обходится государству в несколько раз дороже, чем материальный результат приговора (издержки производства суда и приведение в исполнение приговора, отвлечение суда от более важных дел, отвлечение от работы лиц, косвенно имеющих отношение к делу), а отсюда вывод: государство тратит много материальных средств ради моральной защиты отдельных его членов. Это не значит, что государство вообще не должно охранять достоинство личности, нет, оно должно это делать и в государственных интересах, по вопросу, каким методом. По этому вопросу имеется ряд практических предложений судебных работников, высказанных на страницах печати. В основном они сводятся к трем: 1) изъять дела из суда и передать их на рассмотрение общественным организациям; 2) предоставить нарсудье право единолично рассматривать эти дела и 3) оставить рассмотрение дел в суде, как они и рассматриваются.

В судебной практике эти дела по своей несложности и шаблонности представляются самыми простыми: за побои, легкое телесное повреждение, за клевету и оскорбление применяется более всего штраф: 3—5 руб. и 15—25 руб. Таким образом, процесс прост, применяемые меры социальной защиты еще проще, а раз это так, то дела эти надо передать на единоличное рассмотрение нарсудье, написание приговора должно ограничиваться тут же, на месте, после разбора дела краткой резолюцией, без подробной ссылки на личность обвиняемого и описания обстоятельств дела, поскольку в протоколе судебного заседания это будет отмечено. Такой разбор явно облегчит работу нарсуда. Может случиться, что при рассмотрении дела нарсудья усмотрит какие-либо особенности данного дела, для этого ему можно представить право передачи такого дела на рассмотрение суда; такое же право надо предоставить и прокурору в случаях, когда он будет поддерживать обвинение, а таких дел будет очень немного и они не загромождают работы суда.

Можно ли при таком рассмотрении проверить дело в кассационной инстанции? Можно, так как для кассационной инстанции важно то, что установлено по делу, а это будет явствовать из протокола и всего дела. Срок подачи кассационной жалобы должен быть установлен семидневный, в кассационной инстанции дело должно рассматриваться также единолично членом губсуда с вынесением краткого определения тут же после проверки дела.

Тов. Стельмахович («Правда» № 73 от 1/IV—27 г.) предлагает передать дела частного обвинения на рассмотрение общественным организациям. Эта точка зрения исходит из московской действительности, совершенно не учитывая условий провинции и тем более деревни, где пока нет еще и нельзя создать органа, который мог бы заменить суд. Мыслят дела частного обвинения в городах передать проф-органам и другим общественным организациям; в деревнях в комитеты крест. общ. взаимопомощи. Этот метод несостоятелен. Во-первых, профсоюзы объединяет небольшой процент населения, кроме того, в делах частного обвинения меньше всего участвуют члены профсоюза и больше всего лица, не состоящие в них. Во-вторых, кто будет рассматривать дела лиц, состоящих в разных союзах, или когда один из них член союза, другой пэпман или лицо, случайно приехавшее в город. В-третьих, среда крестьянская, ее уклад жизни, быт и идеология очень мало поддаются воздействию общественной морали, крестьянину нужен орган, обладающий авторитетом, как и суд. Дальше, как быть с городским элементом, особенно с дамами-хозяйками,

и в частности пэпманами, не входящими ни в профсоюз, ни в другие общественные организации; ведь эти элементы больше всего дают дел частного обвинения. Какой для них практически установить разбор дел, тов. Стельмахович не указал и указать невозможно.

В итоге получается, что еще не перечислены все органы, которые занялись бы рассмотрением дел частного обвинения, и то уже их очень много и они разнообразны. Что же может получиться? Каждый из этих органов будет работать по-своему, как ему вздумается, тем более при невозможности установить надлежащий надзор и единую линию.

Количество дел частного обвинения не уменьшается и пока не может уменьшиться, так как жизненные условия препятствуют этому. Как указано выше, элемент, не входящий в состав профсоюзов, больше всего создает склоку, порождающую такого рода дела. Следовательно, борьба с таким преступлением ослабляться не должна, иначе это поведет к большему возникновению таких дел. Если ставить вопрос так, что нарсуд перегружен работой, а поэтому и дела частного обвинения куда-то нужно передать, то это не разрешение вопроса, а его усугубление. Если суду непосильна эта работа в силу его перегруженности другими делами, то общественная организация с этим совсем не справится.

Дальше, тов. Стельмахович не сделал никаких предложений о том, кто же будет рассматривать эти дела в качестве кассационной инстанции, как будто он мыслил, что такой инстанции не нужно.

Ну, а если представить, что кассационными инстанциями будут вышние органы тех организаций, которые будут рассматривать эти дела по существу, то последних очень много и они различны.

Следовательно, не может быть никакой единой линии ни в применении мер социальной защиты, ни в применении норм процесса. Кроме того, ведь недостаточно рассмотреть такое дело и вынести приговор, а необходимо исполнение приговора. Здесь разрешение данного вопроса такими органами, какие имеет в виду тов. Стельмахович и др., нелегко, и они об этом умолчали.

Таким образом, метод разрешения данного вопроса, предлагаемый т.т. Стельмаховичем, Эрлихом («Пролетарский Суд» № 9—10) и другими, не осуществим.

Тов. Липкин («Е. С. Ю.» № 29 за 27 г.), категорически возражающий против передачи дел единоличному рассмотрению нарсудья, тем более не согласен с предложением тов. Стельмаховича и утверждает, что в современных условиях, когда приходится вести борьбу со старыми пережитками за новый быт и культуру, в этих случаях еще нужны карательные меры воздействия через суд. Вполне прав тов. Липкин, но это не значит, что подобные дела должны рассматриваться в усложненном порядке, в полном составе суда, а результате ограничиваться наложением штрафа на осужденного в 3—5 руб. или 15—25 руб.

Аргумент тов. Липкина, что личные конфликты часто переходят в хулиганство, изнасилования, изувеченья и убийства, — аргумент верный, но в таких случаях обвинение квалифицируется не как частное обвинение, а в зависимости содеянного, и делать вывод из этого об особой социальной опасности дел частного обвинения не следует.

При рассмотрении некоторых из этих дел тов. Липкин усматривает в них особую сложность: требуется экспертиза медицинская — при нанесении побоев и телесного повреждения, художественно-техническая — при оскорблении путем рисунков и изображений, а поэтому он считает обязательным участие народных заседателей. Этот довод не-

основателен. Во-первых, необходимость вызова в суд такой экспертизы имеет место в исключительных случаях, — из тысячи дел по одному или двум делам. Если дела будут представлять особую сложность, где потребуются и сложная экспертиза, то эти дела судья может передавать на рассмотрение суда в полном его составе. Производство медицинской экспертизы о побоях и телесных повреждениях обычно ограничивается получением потерпевшим у эксперта письменного заключения. Иного случая в практике суда не встречается, поэтому совсем не усматривается сложность рассмотрения такого рода дел, с которым бы не мог справиться народный суд единолично. Во-вторых, моменты, в которых тов. Липкин усматривает сложность дела, относятся исключительно к юридической оценке дела и процессуальным форм, которые разрешаются обычно под руководством парсудьи — председательствующего суда, неоспоримо более компетентного, чем парзаседатели. В-третьих, усматривать особую роль парзаседателей при рассмотрении этих дел не приходится, так как на практике такие дела исследуются исключительно парсудьей, а парзаседатели к такого рода делам относятся с негодованием, след. с отсутствием надлежащей внимательности: некоторые из них заявляют, «что они пришли в суд работать и учиться правосудию и приложению к этому своего опыта, а на деле разбор мелочных дел».

Неверно также утверждение сложности дела, усматриваемой и подтверждаемой тов. Липкиным в приводе по делу большого количества свидетелей, так как обычно большая часть их по делу ничего не показывает, потому что им по нему ничего неизвестно, и их выставляют стороны без всякого разбора, а парсудье еще до разбора дела приходится просивать списки выставляемых свидетелей и вызывать их в ограниченном количестве. Иная подготовка суда дела к слушанию была бы неправильна. Точно также суд в судебном заседании отклоняет ходатайства о допросе или вызове свидетелей, ненужных по делу, что можно установить без затруднений.

Тов. Липкин возражает против утверждения тов. Г. Ш. (Е. С. Ю. № 12 за 27 г.), что для написания приговора требуется половина времени, затраченного на все время судебного заседания по делу: «Надо думать не об упрощении производства, а о повышении квалификации суда». Это уже неверно потому, что легче упростить производство, чем поднять квалификацию суда. Кроме того, какой бы ни был квалифицированный суд, по при самом умелом написании приговора при соблюдении ст. 334 УПК требуется много времени на самую технику его написания да надо учесть еще то, что требуется время на уход в совещательную комнату и обратно и другие моменты совещания.

Парсуд справляется с более сложными делами, ему подсудными, и судить о его квалификации по разбору дел частного обвинения неправильно и нелогично.

Неправильное применение мер социальной защиты и вообще материального права или неправильное применение норм процесса единолично народным судьей всегда можно проследить и по мере обнаружения этих недочетов можно их устранить указаниями свыше. Такие же ошибки не могут быть исключены и при участии народных заседателей, которые в этом случае не могут быть помощниками судьи.

Постановка данного вопроса на обсуждение в печати и практическое его обсуждение судебными работниками, а также и постоянная чуть не в один голос народных заседателей об упрощении судопроизводства по делам частного обвинения требуют немедленно этого упрощения. Есть все условия и возможности упростить это судопроизводство, пе-

ушая общей задачи суда по таким делам и линии применения мер социальной защиты, но не усматривается никакой возможности передачи этих дел на рассмотрение другим органам. Это будет не разрешение вопроса, а его усложнение при условии рассмотрения этих дел общественными организациями, ничего общего не имеющими с деятельностью суда. От такой реформы можно совсем отказаться, а передать эти дела единоличному рассмотрению народного судьи, в кассационной же инстанции — единоличному рассмотрению члена губсуда.

Парсудья Бауманского р. г. Москвы Г. Липов.

Итоги выполнения квартальных планов за 1926 г.

I.

Объем и сложность возложенных на прокуратуру обязанностей, с одной стороны, крайняя ограниченность наличных сил, с другой, подчеркивали значение и необходимость перехода к плановому построению работы, так как только при плановом построении работы мыслимо было наиболее рациональное и производительное использование наличных сил.

Переход к плановости, в силу целого ряда объективных причин, впервые в более или менее широком масштабе наметился лишь в 1925 году. На основе детального изучения материалов, относящихся к проведению плановости в работе органов прокурорского надзора за 1925 г., к концу первого квартала 1926 г. на места разосланы были Центральной Прокуратурой единообразные схемы квартальных планов.

В какой степени оправдали себя эти схемы, подробно указано было в одной из предыдущих статей («Е. С. Ю.» № 44 за 1926 г.), которая ограничилась суммированием на основе частичных материалов за 1926 г. тех выводов, которые относятся исключительно к схеме построения плановой работы.

Поскольку речь идет о схемах, изучение дополнительных материалов, находившихся за 1926 г., безусловно подтверждает сделанный вывод о положительном значении этих схем.

В эту формулировку того значения, которая дана была три четверти года тому назад, как показывает изучение дополнительных материалов, никаких существенных поправок вносить не приходится.

Полную силу сохраняет утверждение, что:

«Схемы сыграли полезную роль при составлении планов на местах. Тех больших изъятий, которые наблюдались в самом построении плановых работ в 1925 г., в 1926 г. уже почти не встречалось, а если встречались, то в виде редких исключений. В частности, можно считать почти полностью ликвидированной одну из наиболее распространенных в прошлом году «болезней» плана, выражавшуюся в недостаточной конкретности, в заполнении плана общими декларативными, а частью инструктивными местами.

В этом отношении схемы, построенные с равнением на строгую конкретность, сыграли громадную сдерживающую роль. Вместе с тем они не оказались (а этого можно было опасаться именно в силу их уклона к конкретизации и детализации) прокрустовым ложем для местной инициативы. Данные в циркуляре о плановом построении работы указания о примерном, а не исчерпывающем характере делений, приведенных в графе «содержание» и «объекты» плана работы,

с одной стороны, достаточная графическая гибкость и подвижность схем, с другой, обеспечили возможность беспрепятственного в необходимых случаях включения ряда инициативных заданий».

В отношении схем планов жизнь потребовала внесения поправки в отношении сроков. В 1926 г. схемы ориентировались на составление планов поквартально. Поквартальное составление планов на первых порах было вполне целесообразно, поскольку плановость была совершенно новой задачей, поскольку допускались кое-где резкие извращения в понимании плановости. Но затем по мере укрепления правильного понимания плановости, стали поступать предложения о переходе от квартальных планов к полугодовым. Предложения эти имели под собой ряд веских оснований. Во-первых, за такой переход говорила желательность «смычки» работы по составлению и разработке планов с работой по составлению и разработке полугодовых отчетов. Во-вторых, составление плана сопряжено с отвлечением сил от текущей работы; естественно, напрашивалась мысль о целесообразности делать эти отвлечения пореже.

Вопрос о переходе к составлению планов по полугодиям получил положительное разрешение в циркулярном письме Прокуратуры Республики за № 4 от 5 января 1927 г.

Учитывая значительный опыт, накопленный на местах в области проведения плановости в работе, и имея в виду, что поквартальная разработка планов и поквартальная отчетность по ним связаны с отвлечением значительного количества времени работников прокуратуры, и уже не вызываются необходимостью в изменении ранее данных указаний о сроках составления планов, Прокуратура Республики предложила, начиная с 1 января 1927 года, планы составлять не поквартально, а по полугодиям, и соответствующие материалы высылать в Управление Прокуратуры не позднее 25 января и 25 июля.

Дальнейший существенный шаг в отношении схем планов заключался в том, что сведения о плановости предложено было включать в полугодовые отчеты. Коль скоро сроки составления планов и литературно-статистических отчетов в настоящее время совпадают, оказалось нецелесообразным обязывать местные прокуратуры отдельно представлять отчеты и отдельно сведения о планах (по трем схемам). Тем более, что отчеты ведь не могут обойти молчанием такой существенный вопрос, как вопрос о выполнении намеченного плана за полугодие (схема № 3 с заполнением графы исполнения), с одной стороны, и о плановых предположениях на предстоящее полугодие (схема № 1 и 3), с другой. Таким образом, при раздельном представлении отчетных и плановых сведений неизбежны были бы повторения и параллелизм. Поэтому сведения о выполнении плана за истекшее полугодие и о намечаемом плане на предстоящее полугодие и предложено включать в полугодовые отчеты. При этом признано целесообразнее отдельные разделы схем плана включать в соответствующие разделы отчета. Напр., в разделе отчета о деревенской работе за данное полугодие нужно будет привести таблицу (по схеме № 3) о предполагаемом и сделанном по части плана, относящейся к деревенской работе, и о том, какие плановые задания намечаются в той же области работы на следующее полугодие. То же и в отношении прочих видов работ (общего надзора, следственной, судебной работы и т. д.).

Такое построение отчета и «смычки» его с материалом, относящимся к плановости, во-первых, устранит упомянутый выше параллелизм и повторения, во-вторых, внесет большую четкость в отчет и, в-третьих, органически свяжет учет сделанного в различных областях работы с учетом плановости выполнения.

II.

Переходя к (совершенно незатронутому в предыдущем очерке) анализу фактического проведения плановости в работе прокуратуры за 1926 г., приходится отметить ограниченность до некоторой степени тех материалов, которые могут быть положены в основу изучения.

Первый квартал 1926 г. не дает возможности точного суммирования и сопоставления данных о выполнении планов отдельными прокуратурами потому, что единообразные схемы, как указано было выше, разосланы были на места лишь в конце 1 квартала 1926 г.; сведения, имеющиеся за 1 квартал 1926 г., поэтому носят разрозненный, неполный и разнородный характер.

Таким образом, приходится ограничиться сведениями за 2, 3 и 4 кварталы 1926 г.

Однако, в виду постепенного лишь усвоения преподанных схем на местах, разновременного перехода к использованию их по отдельным прокуратурам (отчасти в силу позднего получения схем в отдельных губерниях), непредставления частью прокуратур по тем или иным причинам сведений об исполнении плана за тот или иной квартал, полностью охватывающую все разделы плана сводку за 2, 3 и 4 кварталы 1926 г., представляется возможным дать только по 22 местным прокуратурам¹⁾. К этим губерниям и относятся приводимые ниже цифры. Это, конечно, не позволяет говорить о безусловном значении выводов. Но что они приближаются к действительности не только по тем губерниям, которые вошли в сводку, но и к тем, которые в сводку не вошли, что выводы носят более или менее типичный характер, в этом едва ли может быть какое-либо сомнение. Материалы ревизий, текущей переписки, камерных и губ. совещаний подтверждают сказанное.

Кроме того, для более точной ориентировки необходимо сделать еще одну оговорку относительно так называемого процента выполнения плана. Поскольку речь идет о проценте выполнения отдельных видов работы, цифра дает достаточно точное представление о степени фактического выполнения плана. Скажем, намечены 8 выездов в волости, сделаны 5; или намечены 12 докладов, сделаны 20. Но далеко этого нельзя сказать про средний процент выполнения плана в целом. Этот средний процент далеко недостаточен для сколько-нибудь точного представления. Недостаточен потому, что слишком разнородны по своему значению и по степени трудности те отдельные виды работы, которые суммируются в этом среднем проценте. Например, вместо 10 докладов, предположим, что сделано 20 (200%), а вместе выездов в волость сделано их всего 4 (50%).

Итого, на 18 единиц плана 24 выполнено. Имеем весьма солидный средний процент выполнения—133%! По до очевидности разнородны единицы, которые в нем суммируются.

И в результате этот средний (133%) процент дает совершенно искаженное представление о фактическом состоянии плановости. 133%—это очень солидный процент, но достигнут он по линии «наименьшего сопротивления» и сочетался с 50% выполнения такой работы, как выезды в волости.

Поэтому при анализе исполнения нельзя оперировать такого рода средними процентами. Необходимо брать не средние проценты выполнения, а процент выполнения по отдельным конкретным видам работы.

¹⁾ В сводку вошли прокуратуры: Архангельская, Астраханская, Воронежская, Иваново-Вознесенская, Калужская, Костромская, Курская, Москвитинская, Мурманская, Новгородская, Оренбургская, Пензенская, Псковская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Смоленская, Тверская, Тульская, Ульяновская и Череповецкая.

III.

Первый вывод, который позволяет сделать суммирование и сопоставление данных о выполнении планов за 2, 3 и 4 кварталы по упомянутым выше 22 прокуратурам, тот, что по ряду отдельных видов работ плановость из квартала в квартал становится все более устойчивой и крепкой. Это видно из последовательного повышения процента выполнения плана по некоторым судам работ на протяжении всех 3-х кварталов.

Эти наиболее благополучные в смысле плановости виды работ по процентам выполнения неодинаковы по губуправлениям и участковым камерам. По губуправлениям к ним относятся:

Наименование отраслей работы.	2 квартал.	3 квартал.	4 квартал.
Созыв камерных совещаний . . .	77,2%	82,2%	111,8%
„ губернских „ . . .	66,6%	85,7%	87,5%
Обследование ВИК'ов	56,3%	64,4%	98,2%
„ с/советов	56,8%	60,8	73,7%
Участие в заседаниях парторганов	88,1	103,6	155,7
Обслед. милиц. органов	77,2%	85,8	93,7
Участие в заседаниях исполкомов	100	108,1	113,3
Проверка правильности наложений адм. взысканий	85,1	88,6	115,4
Проверка законности производства выборов	77	100	200
Участий в пленумах губсудов	86,5	98,1	125,6
Участий в засед. наблюд. комиссий	87	94,1	113,8
Обозрений дел в органах ГПУ	85,6	87,3	88,8
Совещаний по борьбе с преступностью	60	91	94,2

Последовательное на протяжении 3-х кварталов повышение процента выполнения квартальных планов по участковым камерам имеем по следующим видам работы:

Обозрений дел в органах ГПУ (53, 1, 61, 1; 75, 4), посещение арестных посещений (60, 9; 84, 8; 101, 6), участие в заседаниях наблюд. комиссий при местах заключения (72,4; 75,8; 80,2); обозрение дел в уземкомиссиях (50; 65,6; 132,1); проверка правильности и своевременного исполнения приговора и решений (57,2; 90; 132,3); проверка правильности расследования дел по разоблачениям печати (69,4; 103,7; 120,8); обследование сельских следственных камер (62,3; 94,4; 105,6); организация юридических кружков (54; 98,5; 115,5); проведение совещаний технических работников (56,9; 82,3; 89,3), проведение инструктивных совещаний с сотрудниками дознаний (67; 73,1; 99,6).

На ряду с только что указанными видами работ, по которым процент выполнения плана повышался, имеем как по губуправлению, так и по участковым камерам и такие, по которым процент выполнения шел на снижение или же давал значительные колебания по отдельным кварталам:

По губерньским камерам.

Виды работ.	Процент выполнения.		
	2 кварт.	3 кварт.	4 кварт.
Обревизование камер	82,4	57,1	82,8
Совещание рабкоров	85	73	160,9
Инструктивных совещаний с обвинител. обвинителями	95,4	53,3	91,4
Посещение фабрик и заводов	125,8	73,3	113,3
Выездов в волость	75,6	73,8	120,4
Обследований возземкомиссий	51,7	49,1	73,1
Обследование низовых органов дознания	79,2	63,1	89,3

Виды работ.	Процент выполнения.		
	2 кварт.	3 кварт.	4 кварт.
Обследование справочных столов	74,3	42,8	57,1
Обследование камер нарследов.	86,2	73,6	100
Инструктивных совещаний следователей	67,4	52,3	81,4
Участие в трудсессиях	73,3	57,8	160,3
Обследование инспекций труда	65,5	87,1	66,7
Участие во 2 инстанции по граждан.	184,6	98,9	106,9
Вызов участковых помпрокурора	72,2	76,2	67,4

По участковым камерам к этой категории относятся:

Участие в гражданском процессе (129,2; 105,9; 128); участие в заседаниях исполкомов (97,4; 91,1; 102,5); обследование камер следователей (79,9; 67,1; 91,1); созыв инструктивных с ними совещаний (75,9; 55,2; 71,2); обследование справочных столов (84,2; 68,6; 41,5); обследований ВИК'ов (80,1; 75,8; 88); посещение фабрик и заводов (62,2; 53,5; 20,5); проверка законности выборов (59; 72,5; 45,2); созыв инструктивных совещаний с общ. обвин. (59,2; 30,5; 62,9); совещаний по борьбе с преступностью (52,1; 65,7; 52,3%);

Приведенные цифры показывают, что в подавляющем большинстве случаев снижение процента выполнения плана на 3 квартал 1926 г., — период отпусков. В 4 квартале в большинстве случаев кривая выполнения вновь и притом довольно резко поднимается вверх. Однако, имеются и исключения. Это, во-первых. А во-вторых, по сути резкое недовыполнение плана в 3 кварт. 1926 г. должно быть отнесено не за счет летних отпусков, а за счет непредвидения такого обычного явления, как летние отпуска, за счет недостаточного обдуманного составления плана. В-третьих, из приведенных цифр видно, что по целому ряду работ их имеем систематическое недовыполнение.

Каковы причины недовыполнения планов?

Циркулярное письмо Прокуратуры Республики за № 4 от 5 января 1927 г. критически останавливается на тех причинах, которые указывались в сообщениях с мест и которые, по мнению Центральной Прокуратуры, не могут считаться в достаточной степени уважительными. Так, напр., в качестве причин недовыполнения указывалось на летние отпуска помпрокурора, на внутригубернские перемещения, весеннюю распутицу, неожиданные приезды выездных сессий.

— «Но (замечает по этому поводу циркулярное письмо) все это как раз такого характера причины, которые в данном разрезе не могут считаться достаточно уважительными потому, что часть их можно и должно предусмотреть при разработке плана (как, например, условия «отпускного периода, наступление весенней распутицы, плановые перемещения»), а часть можно и должно было устранить путем согласования с планом работ соответствующих органов (например, по части выездных сессий губсуда и др.).»

«Как на причину полного или частичного срыва плановости, далее указывается на то, что «многие помпрокурора, будучи избранными членами уиков и укомов, получают внешние отдельные поручения по исполнению той или иной работы, которая в план не включена». Но, «как доказал опыт ряда местных прокуратур, подобное дергание работников прокуратуры есть не что иное, как результат недостаточной договоренности с местными руководящими органами, и устранимо при условии предварительной увязки плана обществ. политическо-й работы с агитпропами парторганов, в каком направлении и предлагается продолжать и углублять работу в дальнейшем».

Основными причинами недовыполнения квартальных планов являются: а) недостаточно строгий и продуманный учет реальных возможностей при самом составлении планов:

б) хромали кое-где и самые методы разработки планов. Как отмечено в циркулярном письме:

«В разработке квартальных планов в ряде губерний и областей участковые помпрокурора участия не принимали и планы для участков вырабатывались губернскими (областными) управлениями прокурора, а иногда даже единолично губернскими (областными) прокурорами. Такой метод разработки планов не соответствует тому, который преподан НКЮ, в целях обеспечения инициативного участия помощников прокурора, с одной стороны, и реальности планов, с другой. Поэтому сохраняет свою силу указание, что то, что планы должны составляться каждым помпрокурора по вверенной ему отрасли работы, камерные (а где это представляется возможным) и губернские (областные, окружные) совещания и прокуроры вносят в планы необходимые коррективы и составляют общий для губкамеры и губпрокуратуры план в целом по преподанной схеме.

Сказанное, разумеется, не исключает необходимости дачи прокурорами своим помощникам руководящих и инструктивных указаний, каковые должны учитываться помпрокурора при разработке плана своей работы на тот или иной период»;

в) Несомненно, к причинам недовыполнения нужно отнести и недостаточный сам по себе и недостаточно своевременный контроль над выполнением. Задача поэтому заключается в том, чтобы в дальнейшем использовать в максимальной степени все мыслимые методы контроля (ревизии, краткие сообщения о ходе выполнения планов и т. д.); г) необходимо, однако, заметить, что в ряде случаев срыв выполнения плановых предположений обуславливался и объективными причинами и непредвиденными обстоятельствами.

Так, напр., Рязанская губпрокуратура указывает на трудности согласования плана работ участковых помпрокурора с планом работы низовых органов, так как последние нередко меняют свои планы в зависимости от директив центра: здесь отрицательно на проведение плановой работы прокуратуры сказалась бессистемность и бесплановость в работе других органов.

Затем целым рядом прокуратур указывается на некомплект и текучесть личного состава, на болезнь помпрокурора, на неплановую нагрузку общественно-политической работой и т. д.

IV.

При изучении итогов квартальных планов за 1926 г. обращает на себя внимание еще один крупнейший дефект — резкая неравномерность выполнения плана по отдельным отраслям работы.

Об амплитуде колебаний в проценте выполнения дают представления уже приведенные выше цифры. Во 2 кварт. по обследованию сельсоветов губуправлениями план выполнен на 50,8%, а по докладам на 112%. По участкам цифры эти соответственно составляют 57,5 и 103%.

Еще более резко эта неравномерность выполнения планов по отдельным областям работы заметна по отдельным губпрокуратурам. Тульская губпрокуратура намеченное планом число докладов выполнила на 230%, а намеченное число обследований низовых органов всего лишь на 33% (причем ни один из предположенных к обследованию сельсоветов фактически обследован не был). По Московской губпрокуратуре, наряду с выполнением плана по разделу политработы на 150%, имеем всего 57% выполнения намеченной работы в области следствия, 50% — в области надзора за местами заключения. В одной из губпрокуратур колебания по отдельным отраслям работы выразились от 33%

до 850%, по Курской от 7% до 150%. Аналогичные явления имеем и в 4 квартале, когда по губуправлению имеем колебания от 44,4% (совещ. юрисконсульты), 43,5% (обследование фининспекций), 50% (организации общ. обвин.) до 400 (обсл. юрид. курсов), 147% (докладов), 155% (участия в заседаниях).

Наличие подобных колебаний может быть объяснено только тем, что, с одной стороны, при разработке планов по ряду мест и отраслей работы опять-таки недостаточно учитывались реальные возможности, и, с другой, — тем, что еще не достигнута необходимая дисциплина в отношении выполнения раз составленного плана, что составленными планами фактически не руководствовались в повседневной работе, и план в значительной своей части сводился к бумажному заполнению преподанных НКЮ схем.

Каковы другие причины такой неравномерности?

Прежде всего, здесь сказывается уклон сосредоточить работу по линии наименьшего сопротивления.

А затем, несомненно, имеет место и недооценка отдельных видов работы.

Надо заметить, что диспропорция процента выполнения плана по отдельным видам работ не вскрывает другой диспропорции, которая наблюдается в работе значительного числа прокуратур и наиболее типичным проявлением которой является отнесение на третьестепенный план судебной работы и перебарщивание по линии участия в заседаниях, по линии выступлений с докладами. Что уклон к такому пренебрежению судебной работой был и что он еще достаточно распространен и в настоящее время, подтверждают почти все материалы ревизионных совещаний при Прокуратуре Республики. Резолюции ревизионных совещаний неизменно говорят об усилении обслуживания УКО, нарсудов, гражданского процесса.

Если в приведенных выше статистических материалах о движении процента плановости это «ущемление» судебной работы почти совсем не отражается, то причина та, что более или менее благополучный процент выполнения судебной работы сочетается с весьма в общем незначительными абсолютными цифрами, определяющими объем ее.

Несомненно, вопрос о ликвидации диспропорции в работе вообще и по части судебной работы в особенности есть один из актуальных вопросов текущего руководства.

Те большие достижения и опыт в области плановости, которые имеются, облегчают ликвидацию этой диспропорции. Одним из средств к ликвидации ее является выполнение директивы Прокуратуры Республики (п. 4 цирк. письма за № 4 от 5 января 1927 г.), согласно которой одною из очередных задач в области фактического проведения строгой плановости в работе является постепенный переход к разработке на каждый данный период определенных ориентировочных минимальных норм различных видов работы, необходимой предпосылкой чему является постановка на должную высоту изучения, учета и контроля работы.

При выработке этих норм и при периодическом пересмотре их можно и должно учесть необходимую и соответствующую относительному значению отдельных видов работ «пропорцию» между ними.

Н. Лаговнер.

Страница практика.

Народный суд и руководство им.

Что работа низового судебного аппарата еще недостаточно окрепла, что она требует постоянного наблюдения и неослабного руководства со стороны губернского (областного) центра, с несомненностью подтверждается и практикой кассационных отделений и актами произведенных ревизий. Больше ошибок допускается молодыми в смысле стажа практической работы судьями. Основная причина этого — неподготовленность выдвигаемых на эту работу товарищей и отсутствие у многих из них сознания принимаемой на себя перед рабочекрестьянским населением ответственности. Многие из ставших на должность нарсудьи не только предварительно не ознакомились с предстоящей им работой, а следовательно не имели никакого представления о сущности ее, совсем не ознакомились с тем законодательством, которое служит неременным и постоянным руководителем их работы, но даже не обладают достаточной грамотностью, чтобы разобраться в основных законодательных актах и бесконечной массе дополняющих и разъясняющих закон циркуляров, инструкций, постановлений высших судебных и административных органов и чтобы правильно и ясно излагать в письме свои соображения.

А не обладая умением ориентироваться в нормах закона, не зная руководящего по применению его материала с одним революционно-социалистическим, хотя бы и достаточно оформившимся правосознанием, судебная работа весьма и весьма тяжела.

Но главное не в том, что она тяжела для тех, кто ее выполняет: они находят оправдания ее в том, что они неопытны, что они учатся еще работать, что есть вышестоящие органы, которые допущенную ошибку исправят и дадут делу надлежащее направление, а основная беда в том, что всякая судебная ошибка, влекущая к кассации вынесенного приговора или решения, дорого обходится тому крестьянину, который, чтобы добиться разрешения судебного дела, проедет не один раз в камеру нарсуда, потом вынужден приносить жалобу, поехать в кассационный, а затем снова в народный суд.

Одним из методов руководства работой народных судов и исправления ее недочетов служит ревизия.

В целях усовершенствования судебной работы вышестоящий орган — Народный Комиссариат Юстиции — вполне основательно требует обревизования, по возможности, всех судебных участков не реже одного раза в год, и это требование, надо полагать, выполняется большинством губернских судов. Так, Рязанский губсуд в текущем календарном году решил выполнить требование НКЮ на все 100% и, очевидно, выполнит.

Так как на производство ревизии затрачиваются для существующего экономического состояния Республики средства достаточно значительные, то позволительно обсудить вопрос: достигают ли поставленной цели такие ревизии, какие проводятся, и так, как они проводятся. Прежде всего несколько слов о цели ревизии. Главная цель очевидно такова: не только вскрыть и зафиксировать в акте все те ошибки и недочеты в работе нарсуда, которые им допускались и допускаются, но так структурировать нарсудью, чтобы не только обнаруженные не были повторены, но и другие неправильности не были допущены. Сколько же времени у ревизующего, чтобы путем просмотра нескольких сотен дел выявить допускаемые ошибки и выполнить главное — инструктирование нарсудьи? Обычно командированы для ревизии два члена суда — из уголовного и гражданского отделов; времени у них 2—3 дня.

В течение этих 2—3 дней ревизующие обязаны, кроме просмотра судебных дел, просмотреть канцелярию, нотариальную работу и составить в несколько десятков страниц акт ревизии и вручить его судье. Много ли у них времени для инструктирования судьи? В лучшем случае — несколько часов, в худшем — ничего. Но нескольких часов для инструктирования нарсудьи, для беседы с ним по многим недоуменным встречающимся у него в практике вопросам мало, а когда для этого совсем нет времени — еще хуже.

О чем говорят акты ревизии, на что они указывают?

Пишущий это в текущем году произвел обревизование всех нарсудов уезда в части деятельности по гражданским делам и обнаружил и зафиксировал в актах ревизий много одних и тех же нарушений закона, повторяющихся в каждом нарсуде (а их 7), например: нарушение ст. 2 ГПК и цирк. Верховсуда № 7 в том, что на основании заявлений об окончании дела миром и заявления об отказе от иска дела прекращаются без выяснения условия мирового соглашения и осно-

ваний отказа; неоднократные откладывания разбирательства по одним и тем же причинам и много других. Товарищ, ревизовавший по уголовным делам, отметил ряд нарушений и недочетов, общих для всех судов.

Акты ревизий по другим уездам говорят то же самое.

Данное обстоятельство указывает на то, что для того, чтобы вскрыть эти нарушения и недочеты, вполне достаточно было бы обревизовать только один из 7 участков и сократить затраченные время и средства в 7 раз. Мало этого. Чтобы вскрыть все те нарушения, которые отмечаются в актах ревизии, можно обойтись совсем без поездки: путь к этому указан в циркуляре № 62—1926 г.

Наконец, не все нарсудьи одинаковы. Среди них в каждой губернии есть вполне, средние и малоопытные, а следовательно есть судьи, не нуждающиеся в ежегодном к ним приезде ревизоров и весьма в этом нуждающиеся, требующие в интересах работы, в интересах населения особого к себе внимания, особых указаний и особого руководства работой.

Но ревизия ли нужна, чтобы наладить работу такого судьи? Можно ли посредством 2—3-дневного пребывания оказать серьезную помощь такому товарищу? Очевидно, нет, не ревизование его нужно, т. к. и без ревизии наперед можно быть уверенным в качестве его работы, а научить работать. И вот, если у нас есть средства и силы, их нужно двинуть на помощь именно таким судьям, и вместо месячного разезда по всему уезду двух ревизоров губернского суда направить в такой участок опытного работника в зависимости от состояния судебного участка от одной до трех недель для действительного руководства работой слабого судьи, для его обучения. В течение такого срока можно многое сделать, многому научить.

Там, где есть возможность, слабого судью лучше направлять на юридические курсы, но курсы эти, к сожалению, имеются не при каждом губернском центре.

Проверку работы других, более сильных, судей легко произвести путем просмотра разрешенных судом дел в порядке циркуляра НКЮ № 62 и послать к нему для руководства надлежащих указаний по обнаруженным недочетам и ошибкам. Наконец, в зависимости от того, как определится просмотром дел работа суда, нарсудью можно вызвать для личного инструктирования членами суда, проверявшими работу.

По нашему глубокому убеждению, такой метод руководства работой нарсудьи и сохранит часть средств, расходуемых для производства ревизий, и даст лучшие результаты, чем имеющиеся ныне.

Член Рязанского губсуда П. Коновалов.

Подсудность дел о признании прав члена трудового крестьянского двора.

Новый Кодекс о браке, семье и опеке в своей взаимной связи с Зем. Код. выявил в судебной практике новый пробел, не находящий достаточного отражения как в самих этих законах, так и применяемых к ним циркулярах и разъяснениях.

Этот пробел касается установления прав членов двора. Согласно ст.ст. 1 и 3 Кодекса о браке устанавливаем, что считаются имеющими место не только те брачные отношения, которые зарегистрированы в установленном порядке, но и те, которые не были зарегистрированы.

Разница зарегистрированных с незарегистрированными только та, что первые при наличии о том документов являются бесспорными, а вторые необходимо в случае надобности доказывать перед судом; след, если заинтересованное лицо хочет оградить свои права, вытекающие из брака, при отказе второго оформить эти отношения в установленном порядке, оно обязано обратиться в суд с соответствующим иском.

Зем. Код. в ст. 66 говорит, что лица, вошедшие во двор по браку, приобретают права членов трудового двора. Здесь можно подразумевать не только по браку зарегистрированному, но и по браку фактическому, это последнее подкрепляется примечанием к ст. 10 Кодекса о браке, говорящей, что права супругов на имущество в крестьянском дворе регистрируются Зем. Код.

После же разъяснения Пленума Верховсуда от 6 июня 1927 г. (пр. № 10 «Судебная Практика» № 11) дело обстоит совершенно иначе, т.-е. лица, вошедшие во двор по браку незарегистрированному, приобретают права членов двора только после регистрации этого вхождения сельским советом в подворных списках, согласно ст. 72 ЗК.

Из рассматриваемых дел усматривается, что среди крестьянства имеется много случаев фактического брачного сожи-

тельства и что это брачное сожителство не зарегистрировано ни в ЗАГСе, ни при вхождении во двор сельсоветом в подворных списках.

Таким образом, при возникновении между таким лицом и трудовым двором спора о выделе части имущества оказывается: лицо, претендующее на выдел, не имеет прав члена двора, а след., и права на иск в такой плоскости.

Перед судом, рассматривающим такое дело, неизбежно станет вопрос, кто же должен будет решить вопрос о признании за таким лицом прав члена двора: суд ли, рассматривающий дело, земельная ли комиссия или этот вопрос вообще не имеет значения.

Остановимся на последнем. Вопрос о том, что для дела не имеет значения, получило ли данное лицо право члена двора или нет. На это дает ответ ст. 72 ЗК, которая говорит: «Каждый двор и изменения в его составе регистрируется сельским советом в подворных списках»; это подтверждает указанное выше разъяснение Пленума. Поэтому вопрос об установлении прав члена двора должен быть разрешен.

Если в этом вопросе целиком и полностью стать на точку зрения второй части ст. 73 З. Код., что вопрос о признании прав члена двора должен быть решаем только земкомиссиями, ибо жалобы на отказ в регистрации подаются туда, будет нецелесообразно и явится излишней формальностью и волокитой, с которой должны все и всеми мерами бороться и вот почему.

Фактические брачные отношения уже прекратились, начался спор в суде о выделе части имущества, и суд, разбирая дело, обнаружив, что претендующее лицо не имеет прав члена двора, должен производством у себя приостановить или прекратить, а ища отослать в земкомиссию, пускай он совершит целую серию мытарств. Истец должен: просить земкомиссию восстановить пропущенный срок на подачу жалобы; доказать, что он подлежал регистрации как член двора, вошедший по фактическому браку, а затем трехколенная система земкомиссий для обжалования решений (Казахская АССР). Таким образом, будет «дело делом, а суд по форме».

Необходимо найти более краткий, более жизненный, путь к скорейшему разрешению дела. Это можно и должно.

Ставя перед собой такой вопрос, мы находим такие указания: 1) дела, где идет спор о разделе двора с землей, подсудны земельным комиссиям и, 2) когда спор идет о выделе только части имущества без земли, дела подсудны народным судам (ст. 81 ЗК).

Делая из сказанного вывод, нужно сказать, что при споре о разделе имущества, где лицо не имеет прав члена двора, вопрос о признании прав члена двора за таковыми должен решаться тем же судом, который решает дело о выделе.

При разрешении этого вопроса суд должен в полной мере использовать в этом случае указания ст. 12 Кодекса о браке, семье и опеке.

Получив утвердительный ответ, что данное лицо вошло во двор по фактическому браку, суд признает за ним права члена двора и производит соответствующий выдел. При получении отрицательного ответа речь о выделе уже не может идти.

В этом последнем случае возможна постановка вопроса только в плоскости иска о компенсации за вложенный труд в хозяйство ответчика-двора.

Член Акмолинского губсуда Беспалько.

Гор. Петропавловск.

Ст. 26 Лесного Кодекса.

В № 23 «Е. С. Ю.» (стр. 707) с. г. помещена заметка г. Порай-Кошица «Забытая статья Лесного Кодекса».

Тов. Порай-Кошиц призывает раз навсегда покончить с неосведомленностью о последствиях за нарушение ст. 26 Лесного Кодекса и считает, что лесопотребители за незаконную перепродажу лесосек и древесины должны привлекаться к уголовной ответственности по ст. 85 УК.

Рассмотрим, насколько правильными являются подобные соображения.

Ст. 26 ЛК, устанавливая запрещение использования лесных материалов не по прямому назначению, не предусматривает ответственности в уголовном порядке.

Самый текст этой статьи: «потребители древесины, получившие таковую... обязываются употреблять по прямому назначению, без права перепродажи лесосек», ясно говорит об этом. Очевидно, здесь имеются в виду правонарушения совсем иной категории, чем в ст. 85 УК, и в силу этого приравнивать потребителей, получивших лесосеки под известным условием (хотя и нарушивших условия) к лицам, добывающим

лес путем хищения или истребляющим лес, не представляется возможным.

Изложенная точка зрения находит прямое подтверждение в § 2 п. «г» инструкции о порядке преследования нарушений в лесах госфонда («Е. С. Ю.» № 13—1927 г.), где все виды использования леса получателями не по прямому назначению регулируются исключительно стст. 399 и 402 Гр. Код. и только при перепродаже лесосек в виде промысла преследуются в уголовном порядке.

Но и в последнем случае перепродавцы леса подлежат ответственности не по ст. 85, как предполагает г. Порай-Кошиц, а по ст. 99 УК, чем лишний раз подтверждается недопустимость смешения понятий спекуляции лесом и хищения леса.

Точное разграничение многочисленных видов лесонарушений и способов борьбы с ними необходимо теоретически и практически, и предпочтительнее огульному привлечению по ст. 85 УК, к тому же и приведенные г. Порай-Кошицем примеры организованной спекуляции государственным лесом в Елифановском у. Тульской губ. требуют применения именно ст. 99 УК, а не ст. 85, санкция которой едва ли явится достаточной. Массовые случаи перепродажи лесосек, как местное явление в Тульской губ., не так часто встречается в Самарской губ. Большие убытки несет лесное хозяйство от край не медленного рассмотрения дел на судами и, в особенности, вилами. Кроме того, установленный прим. 3 к ст. 14 УК месячный срок для наложения административных взысканий позволяетвикам прекращать дела в громадном количестве. В такой короткий срок, при дальности расстояния выков от лесничеств, малочисленности штата, ни вики, ни лесничества не могут справиться с протоколами, и самовольные порубки в большинстве случаев остаются без всякого воздействия. Предполагающееся изменение в законодательном порядке ст. 14 УК в смысле увеличения срока до 3 месяцев значительно уменьшит процент прекращаемых дел.

Нужно сказать, что инструкция 21/III—1927 г. о порядке преследования лесонарушений не всем на судам и лесным органам достаточно знакома. Напр., самовольное возведение построек, пастьба скота, сенокосение в лесах госфонда, до сих пор рассматриваются, как правонарушения гражданского порядка, илп, в иных случаях, как самоуправство, между тем, по § 1 инструкции, эти часто встречающиеся виды лесонарушений подлежат преследованию по ст. 85 УК.

г. Самара.

М. Благомыслов.

Необходимо пересмотреть ст. ст. 83 и 84 УК.

Мера социальной защиты, предусмотренная ст. ст. 83 и 84 УК, не вполне совпадает с теми требованиями, которые ставятся вообще нашими высшими органами. Мы все время говорим о борьбе с контрабандой, а мера социальной защиты, предусмотренная ст. ст. 83 и 84 УК, очень слаба, т. к. контрабандисты в большинстве совершенно ничего из имущества не имеют, кроме хаты; присужденного с них в административном порядке штрафа не возьмешь, в особенности с китайцев. У судебного исполнителя в большинстве случаев увидишь акты о несостоятельности.

Вторая мера социальной защиты это—высылка в административном порядке за пределы пограничной пятидесятикилометровой полосы, вот здесь уже подумаешь, как его выселить, когда он живет дальше предусмотренного расстояния.

Ст. 84 УК за переход границы предусматривает меру социальной защиты—принудительные работы на срок до одного года или штраф до пятисот руб. Говорить о штрафе уже не приходится, а принудительные работы в районах не организованы и крестьянство говорит, что это не суд, а только инсценировка, т. к. преступник фактически остается ненаказанным, наказан только на бумаге, что, конечно, не исправляет преступника, и крестьянство вопит от контрабандистов, т. к. он не только контрабандист, а большинство и конокрады (конокрадство развито в пограничных населенных пунктах). Кроме того, он и передает все сведения белобандитам. Мера социальной защиты—принудительные работы—необходимо заменить лишением свободы, а пятидесятикилометровую высылку заменить выселением из пределов пограничных губерний. Только тогда мы сможем встретить поддержку со стороны крестьянства по борьбе с контрабандой и другими преступлениями и этим дадим возможность крестьянину спокойно заниматься своим трудом.

Нар. судья 11 участка Амурского окр. Дальне-Восточного края Спиридонов.

Село Михайловка.

Рассмотрение в административном порядке дел о нарушении правил учета военнообязанных.

С коренной переработкой Угол. Код. 1922 г. и с введением его в действие в редакции 1926 г. у многих судебных работников, вероятно, возникала мысль, что дела о нарушении правил учета военнообязанных (ст. 64 УК) будут изъяты из подсудности нарсуда и переданы для рассмотрения в административные органы.

Но как мы видим, дела эти в редакции Угол. Кодекса 1926 г. также подсудны нарсуду.

На страницах «Е. С. Ю.» вопрос этот никем из судебных работников пока не затрагивался. Между тем, он имеет существенное значение в области работы нарсуда и рассмотрение таких дел в суде нецелесообразно.

Как показала практика, большинство привлекаемых по этим делам лиц являются элементом пришлым из других губерний, приходящим искать заработка. А отсюда получается то, что дела эти, хотя и рассматриваются в порядке судебного приказа, но все же с момента составления о нарушении в военно-учетном столе (ВИУ'а или другого административного органа) протокола и фактического приведения приказа в исполнение проходит известное время, а за это время осужденный выбывает из данной местности.

Начинается безрезультатная посылка приказа на родину осужденного, которого и там в большинстве случаев не оказывается. Если же в результате пересылки приказа иногда и удается взыскать штраф, то, принимая во внимание, что штрафы по этим делам имеют незначительные суммы, ибо в большинстве привлекаются бедняки, государству стоит дороже само взыскание, чем наложенный штраф. При возвращении же судприказа без исполнения, за нерозыском осужденного, выходит, что вся работа пропала даром, а приказ остался висеть в воздухе.

Правда, здесь могут указать на разъяснение Пленума Верховного Суда Р. С. Ф. С. Р. от 5 июля 1926 г. (протокол за № 11 — «Е. С. Ю.» № 32—1926 г.) о прекращении таких дел, когда местожительство осужденного неизвестно и производство его розыска явно нецелесообразно. Все это, конечно, хорошо: прекратил и с тем делом конец. Но все-таки нужно принять во внимание и ст. 9 УК, которая говорит: «меры социальной защиты применяются в целях: а) предупреждения новых преступлений со стороны лиц, совершивших их, б) воздействия на других неустойчивых членов общества и...» А в связи с этим, необходимо поставить вопрос, как же суд может предупреждать новые преступления со стороны лиц, их совершающих, и тем самым воздействовать на других неустойчивых членов общества, если дела о нарушителях за их нерозыском будут прекращаться на 80—90%. Сам же нарушитель не будет даже знать, что он за это осужден, и нет никакой гарантии того, что если он не встал на учет в одном месте после вынесения судприказа, не сделает того же в другом. И Верховный Суд, давая разъяснение, во всяком случае, вовсе не имел в виду массового прекращения дел за нерозыском осужденных, почему и разъяснение это следует применять в ограниченных случаях. Поэтому производить дознание, писать судебный приказ, исполнять его и в дальнейшем прекращать за нерозыском, явно нецелесообразно и такая постановка дела не соответствовала бы задачам нашего законодательства.

При этом необходимо также остановиться и на том, что видами не всегда выявляется материальное положение привлекаемых по ст. 64 УК, суд же, разбирая дело в порядке судприказа, бывает в затруднении при определении меры социальной защиты, которая может и не соответствовать соединному.

Итак, из всего изложенного необходимо признать, что дела по ст. 64 УК следует передать в административные органы. Такой передачей, во-первых, будут разгружены нарсуды от мелких дел и смогут больше уделять внимания крупным делам. Во-вторых, больше будет экономии в силах и средствах, так как административный орган скорее может наложить взыскание, не посылая дело в суд, как это делается сейчас.

Кстати, необходимо остановиться и на том, что ст. 64 УК имеет расхождение с ст. 20 и 42 УК. Если мы обратимся к ст. 20 УК, то видим, что принудительные работы в числе мер социальной защиты стоят на четвертом месте, штраф же идет после принудительных работ, следовательно законодатель не случайно сделал такую расстановку, ибо штраф является менее тяжелой мерой социальной защиты, чем при-

нудительные работы. В редакции Угол. Кодекса 1922 года законодателем не было указано расчета о замене штрафа принудительными работами и суды заменяли штраф по своему усмотрению. В действующем Угол. Код. в ст. 42 законодательно точно устанавливает расчет о замене штрафа в случае его неуплаты принудительными работами, а именно: за сто рублей штрафа один месяц принудработ. След., при переводе штрафа на принудработы они не должны превышать карательную санкцию данной статьи. Возьмем, например, ст. 143, 2 ч., карательная санкция этой статьи—принудработы до 6 месяцев, штраф до 300 руб. Если суд по этой статье приговорит к штрафу на 300 рублей, то при замене его принуд. работами получится 3 месяца принудительных работ, что не будет превышать карательной санкции этой статьи. Также это видно из ст.ст. 1 ч. 145, 1 ч. 146, 160, 1 ч. 161 и т. п.

Однако, если взять ст. 64, то здесь получится другая картина: карательная санкция этой статьи—принудработы до 1 месяца, штраф до 200 руб. Следовательно, если суд приговорит к штрафу на 200 руб., то при неуплате и замене его, согласно ст. 42 УК, нужно назначить принудительных работ два месяца, т. е. превысит санкцию статьи. В других ст. ст. Уг. Код. тоже есть расхождение с ст. 42, но я не указываю в каких, так как цель статьи преследует не этот вопрос. Но все-таки полагаю, что судебные работники обратят на это внимание и выскажутся как о передаче дел по ст. 64 УК в административные органы, так и о согласовании этой статьи и других со ст. 42 Угол. Код.

Г. Пузаков.

Село Ям Домодедовской вол. Подольского у. Моск. губ.

Режим экономии в нотариальных конторах.

В № 5 «Е. С. Ю.» за 1927 г. тов. Семизоров коснулся вопроса о нецелесообразности такого сокращения штата нотариальных контор, какое было проведено в прошлом году. Я лично вполне разделяю все высказанные им соображения, но с оговоркой, поскольку они касаются таких контор, как наша, Усть-Лабинская, т. е. контор малодеходных. В таких конторах при наличии курьера, может быть, и возможно обойтись без деловода. Но в сельских местностях Северо-Кавказского края есть сравнительно немало таких контор, которые дают 4½—7 тысяч одних нотариальных сборов, не считая сборов в доход местных средств (кои не меньше, чем нотариальных) и гербового сбора, каковые конторы также оставлены с одним нотариусом. Есть среди этих контор такие, которые одной технической работой зарабатывают 1.200—2.000 рублей, а всякий мало-мальски практически знакомый с условиями работы в сельских местностях знает, сколько нужно затратить рабочих часов, чтобы заработать 1.200—2.000 рублей технической работой, принимая во внимание, что громадный процент сделок, удостоверяемых в сельских местностях,—на незначительную сумму. В таких конторах без деловода обойтись нельзя. Мне могут возразить, как же они обходились до сих пор, ведь сокращение штатов проведено больше года тому назад (в мае 1926 г.)? Я сам интересовался этим вопросом и лично расспрашивал сравнительно многих нотариусов, при чем оказалось, что некоторым из них помогают члены их семьи, а у кого «соответствующих» членов семьи нет, нанимают за свой счет деловода-машиниста, и, наконец, те, кто не имеет ни того, ни другого, работают по 16—18 часов в сутки. И все же иногда приходится им упускать техническую работу, ибо клиент не будет ждать два-три дня, когда нотариус освободится, а пойдет к члену коллегии защитников или, еще хуже, к подпольному адвокату, отчего в результате страдают интересы казны. Такое решение вопроса нельзя признать нормальным, тем более, что деловод в мало-мальски доходной конторе вполне оправдывает себя. Разгрузка же нотариуса от части технической работы без сомнения принесет только пользу, ибо даст ему возможность лучше изучить свое дело, которое так часто изменяется, а также даст возможность принять большее участие в общественной работе, да и, кроме того, количество безработных уменьшится.

Нотариус К. Скрынников.

Ст. Лабинская Северо-Кавказского края.

В Совнарком РСФСР.

Проект пост. ВЦИК и СНК РСФСР о дополнении Гражданского Кодекса РСФСР статью 407-а, устанавливающей имущественную ответственность учреждений за неправильные и преступные действия должностных лиц.

Совнаркомом РСФСР по представлению Наркомюста принят проект дополнения Гр. Код. ст. 407-а, согласно которой учреждение отвечает за служебные действия должностных лиц, совершенные последними в пределах их компетенции, или допущенные ими по службе упущения, признанные подлежащими судебными или административными органами неправильными, незаконными или преступными во всех тех случаях, когда потерпевший сдал имущество или в его пользу сдало (в частности денежные суммы) учреждению или должностному лицу во исполнение либо требований закона или судебного решения, приговора, определения, либо основанного на них или на правилах внутреннего распорядка государственного учреждения распоряжения должностного лица.

Как видно из объяснительной записки Наркомюста, приложенной к проекту, проектируемая новая ст. 407-а исходит из того основного соображения, что когда во исполнение требований закона, суда или должностного лица (например, судебного исполнителя, финансового инспектора, работника милиции, таможника, железной дороги, почты и т. п.), осуществляющего функции власти, потерпевший вынужден был сдать денежные суммы (или другое имущество), то потерпевший не имел права уклоняться от исполнения указанных требований, ссылаясь на отсутствие у него доверия к личности того должностного лица, которое по обязанности службы должно было совершать прием этого имущества. В этих случаях вынужденной сдачи денежных сумм (или другого имущества) потерпевший доверял государству в лице должностного лица, уполномоченного государством на принятие имущества потерпевшего, а отнюдь не должностному лицу в порядке личного кредита, так как потерпевший не должен был (а фактически не имел возможности в большинстве случаев) наводить справки о личной честности и об имущественной кредитоспособности того должностного лица, в служебную обязанность которого входил прием денежных сумм (или другого имущества) потерпевшего. Освобождение государства в случаях обязательной сдачи имущества от ответственности за неправильные или преступные действия должностных лиц и предоставление потерпевшему права исчать возмещения ущерба с заработной платы (или другого имущества) должностного лица, причинившего ущерб, равносильно оставлению без возмещения сколько-нибудь значительного (например, при многократной повторности случаев причинения ущерба).

Принятый СНК проект направлен на утверждение Президиума ВЦИК в порядке ст. 1 пост. 2 сессии ВЦИК X созыва об изменении Кодексов РСФСР («С. У.» 1923 г. № 54, ст. 530).

Проект пост. ВЦИК и СНК РСФСР о дополнении положения о дисциплинарных судах.

Циркулярным письмом Президиума ВЦИК от 20/VI—1926 г. предложено всем центральным ведомствам и наркоматам РСФСР, ЦИК'ам АССР, краевым, областными и губ. исп. комитетам принять к руководству утвержденное 11 апреля 1927 г. СНК СССР (пр. СНК СССР № 211 п. 27-пр.) пол. о гос. финансовом контроле, впредь до утверждения его сессией ЦИК СССР.

Ст. 15 этого пол. предусматривает право органов государственного финансового контроля возбуждать против нарушителей бюджетной и отчетной дисциплины либо имущественных интересов государства при отсутствии в обнаруженном нарушении признаков уголовного преступления дисциплинарное преследование в подлежащих дисциплинарно-судебных органах, в порядке и пределах, указанных в специальных об этих органах законодательства Союза и союзных республик.

Придавая мерам дисциплинарного воздействия серьезное значение в деле борьбы финконтроля с выявляемыми им нарушениями, СНК РСФСР принял проект постановления о дополнении положения о дисциплинарных судах указанием на то, что право непосредственного направления дел в дисциплинарный суд принадлежит также и органам государственного финансового контроля.

При чем на дела, возбуждаемые в дисциплинарных судах органами государственного финансового контроля, принятый Совнаркомом проект распространяет те же положения о порядке внесения их и рассмотрения, какие установлены по делам, вносимым судебными органами и Рабоче-Крестьян-

ской Писпекцией, а именно: 1) приложение к представлению о направлении дела в дисциплинарный суд отзыва соответствующего ведомства, в котором состоит привлекаемое к дисциплинарной ответственности должностное лицо, и 2) представление органу, направившему дело в дисциплинарный суд, права требовать вызова своего представителя для дачи объяснений по делу.

Соответственно с этим проектом дополнены ст. ст. 6 и 13 пол. о дисциплинарных судах («С. У.» 1926 г. № 36, ст. 291).

Пост. СНК РСФСР о порядке передвижения инвалидов и семей военнослужащих при перемене постоянного места жительства.

Существующий до сего времени в РСФСР порядок передвижения инвалидов, установленный НКСО, в настоящее время устарел и требует замены новым. Согласно этого порядка пенсионеры не могут передвигаться без разрешения органов собеса из одной местности в другую, а так как органы собеса куда пенсионер желает переехать, в большинстве случаев отказывает ему в приеме на пенсию, то со стороны обеспечиваемых естественно возникает недовольство, и нарекания поддерживаются и организациями, которым приходится иметь дело с жалобами инвалидов (редакции газет, прокуратура, органы РКИ и т. п.).

Изменение существующего порядка передвижения инвалидов вызывается не только указанными соображениями, но также и обусловливается практической целесообразностью, так как в связи с уравниванием норм пенсий между городом и деревней многие пенсионеры имеют желание из города поехать обратно в деревню и заняться там своим сельским хозяйством. Кроме того, в данное время нет большой надобности ограничивать желание инвалидов переехать в другую местность, так как контингент обеспечиваемых более или менее устойчиво определился, поэтому частичное передвижение инвалидов для большинства губерний не может в значительной мере повлиять на бюджет органов собеса.

В целях урегулирования передвижения инвалидов и семей военнослужащих, состоящих на гособеспечении в порядке положения о гособеспечении от 18/X—1926 года при перемене ими постоянного места жительства в пределах РСФСР, СНК РСФСР постановил:

Предложить местным советам и исполкомам безоговорочно принимать на социальное обеспечение лиц, обеспечиваемых органами собеса при перемене ими постоянного места жительства на нижеуказанных основаниях.

При перемене жительства обеспечиваемого, изъявившего в этом желание, местные органы Социального Обеспечения выдают отъезжающему соответствующее удостоверение, с указанием права данного лица на социальное обеспечение и сроков его удовлетворения.

Органы собеса, откуда выехал обеспечиваемый, обязаны выплачивать ему пенсию до конца бюджетного года, высывая ее по новому адресу в том же размере, какой выплачивался инвалиду по прежнему месту жительства.

Переехавший обеспечиваемый зачисляется с нового бюджетного года на пенсию по новому месту жительства, которая выплачивается ему в размерах, установленных для данной местности.

В случае переезда инвалидов, обеспечиваемых органами социального обеспечения, в г. Москву, а также в курортные местности Сев. Кавказа и Крымской АССР вопрос о принятии их на социальное обеспечение местного бюджета разрешается по предварительному согласию тех местных органов, куда обеспечиваемый переезжает.

Принятое СНК постановление будет введено в действие по опубликованию его.

Проект пост. ВЦИК и СНК РСФСР об изменении и дополнении пол. о ревизионных комиссиях при сельских советах.

Согласно примечания к ст. 2 пол. о ревизионных комиссиях при волостных (районных) исполнительных комитетах («С. У.» 1926 г. № 17, ст. 135) члены и кандидаты в члены волостного (районного) исполнительного комитета могут быть избираемы в состав волостной (районной) ревизионной комиссии не ранее, как по истечении года после выхода из состава соответствующего исполнительного комитета.

Кроме того, в силу ст. 2-й того же положения, родители, супруги, братья, сестры и дочери, а равно братья, сестры, родители и дети супругов кого-либо из членов волостного (районного) исполнительного комитета не могут быть избираемы в члены соответствующей ревизионной комиссии.

В отношении же образования сельских ревизионных комиссий всех вышеуказанных ограничений не установлено. В силу примечания к ст. 6 положения о ревизионных комиссиях при сельских советах («С. У.» 1926 г. № 17, ст. 136) в члены ревизионной комиссии не могут быть избраны лишь члены и кандидаты в члены соответствующего сельского совета, а также должностные лица подконтрольных данной ревизионной комиссии учреждений. Никаких других ограничений при избрании сельских ревизионных комиссий действующее законодательство не устанавливает.

Уральский облисполком, указывая на это, просил Президиум ВЦИК разрешить ему в отдельных случаях правила, касающиеся образования ревизионных комиссий при волысполкомах (райисполкомах), распространить на ревизионные комиссии при сельских советах.

Запрошенные по этому поводу исполкомы: Тверской, Саратовский, Ленинградский, Сталинградский, Московский и Владимирский считают целесообразным правила, касающиеся образования волостных (районных) ревизионных комиссий распространить и на сельские ревизионные комиссии.

Мотивами ходатайств упомянутых местных органов власти является значительное расширение круга задач, входящих в компетенцию сельсоветов, и рост финансово-хозяйственной деятельности этих органов требуют более осторожного подхода при выборах ревизионных комиссий.

По изложенным соображениям Совнарком РСФСР принял проект изменения положения о ревизионных комиссиях при сельсоветах от 15 марта 1926 г. («С. У.» 1926 г., № 17, ст. 134), согласно которому в члены ревизионной комиссии не могут быть избраны: а) члены и кандидаты в члены соответствующего сельского совета, б) должностные лица подконтрольных данной ревизионной комиссии учреждений, в) родители, супруги, братья, сестры, сыновья и дочери какого-либо из членов сельского совета, г) технические сотрудники сельского совета и уполномоченные земельных обществ.

Председатель, секретарь, члены и кандидаты в члены сельского совета могут быть избираемы в состав ревизионной комиссии не ранее, как по истечении года после оставления должности.

Х р о н и к а.

Снижение цен.

ЭКОСО РСФСР заслушало доклад НКТорга РСФСР о ходе и результатах кампании по снижению розничных цен к 1 июля 1927 г.

ЭКОСО констатировало, что темпу снижения отпускных цен промышленности и продажных розничных цен в торговле не соответствовал в промышленности темп работы по снижению себестоимости, а по торговой сети—темп работы по сокращению накладных расходов; вследствие этого снижение цен и наценок производилось лишь в незначительной мере за счет рационализации производства и торгового аппарата и понижения их накладных расходов.

ЭКОСО признало необходимым («Эк. Ж.» № 217 от 23/IX) принятие НКТоргом РСФСР и ВСНХ РСФСР решительных мер к осуществлению полностью директивы Правительства Союза ССР от 16 февраля 1927 г. в тех районах, где снижение цен произведено не в достаточной мере, и в особенности,—в районах с пониженной покупательной способностью и на тех городских рынках, где снижение цен оказало слабое влияние на понижение стоимости бюджетного набора рабочего.

В целях закрепления достигнутого снижения цен и возможности дальнейшего сокращения расходов государственной и кооперативной торговли, Нар. Ком. Торговли РСФСР предложено продолжить и улучшить свою работу по рационализации системы продвижения товаров к потребителю, для чего необходимо: увеличение завоза товаров транзитом; увеличение нагрузки оборотов торгового государственного и кооперативного аппарата с соблюдением, однако, интересов потребителя; улучшение качества работы кооперативного аппарата. Нар. Ком. Торговли РСФСР предложено принять меры к усилению контроля за деятельностью товаропроводящей сети как при помощи собственного аппарата, так и при помощи общественных сил, особенно усилив этот контроль в сентябре и октябре месяцах текущего года.

НКВпуделу совместно с НКТоргом и НКФинном предложено разработать вопрос об ограничении арендных ставок

на торговые помещения и внести в Экономический Совет доклад о необходимых мероприятиях в этой области в месячный срок.

Нар. Ком. Торговли РСФСР предложено представить в Экономический Совет в месячный срок: доклад о необходимых мероприятиях к урегулированию частного рынка; доклад о ходе охвата государственной и кооперативной торговлей рынков скоропортящихся продуктов и доклад о дальнейшем ходе снижения цен торговой сети.

Торговая регистрация временных правлений.

Президиум ВСНХ СССР обратился в Наркомторг СССР с просьбой срочно урегулировать вопрос о торговой регистрации временных правлений синдикатов.

Учреждая новую организацию, СТО иногда до утверждения устава постановляет предоставить бюро учредителей права временного правления, обычно за солидарной ответственностью учредителей. С введением с апреля текущего года в действие положения о торговой регистрации вопрос об оформлении дееспособности временных правлений встречает серьезные затруднения. ВСНХ СССР полагает, что разрешение этого вопроса возможно или путем оповещения Наркомторга Союза и союзных республик о том, что подобные временные правления не обязаны регистрироваться и могут осуществлять предоставленные им СТО права без внесения в торговый реестр, или следует установить какой-либо порядок временной регистрации, соответствующий юридической природе возникновения и деятельности временных правлений.

Проект новой квартирной платы.

Всесоюзный совет жилищной кооперации представил в высшие органы Союза разработанный им проект введения по всему СССР новых принципов установления квартирной платы.

Квартиры, по новому законопроекту, оплачиваются не только в зависимости от заработка жильца, но и от качества жилья. Все города и рабочие поселения, в зависимости от их промышленного, административного и культурного значения, близости к центрам и т. д., делятся в отношении квартирной платы на три пояса.

Основные ставки квартирной платы устанавливаются для жилищ средней категории с соответствующими надбавками и скидками для высшей и нижней категории жилищ; при этом классовый подход сохраняется.

Кроме того, новые ставки устанавливаются по расчету 6 кв. метров на душу (вместо существующей нормы в 8 кв. метров). Если на душу приходится свыше этой нормы, но не больше 8 кв. метров, то делается надбавка к основной ставке в 50% за излишек, не выше 10 кв. метров—100%, 12 кв. метров—150% и выше 12 метров—200%.

При исчислении ставок квартирной платы учитывается общий заработок всех членов семьи, живущих на данной площади (за исключением тех случаев, когда общий заработок не превышает 40 руб.), при чем высший заработок берется полностью, следующий—в размере 50%, а третий—нижний—25%.

Основную ставку для средней категории жилищ и среднего заработка (125 руб.) в первом поясе Союза проект устанавливает в 2 руб., во втором поясе—1 руб. 75 коп. и в третьем—1 руб. 50 коп. за кв. сажень. С этой суммы устанавливаются скидки для семей, заработок которых ниже 125 руб., в размере от 10 до 60%, а для безработных, социально обеспечиваемых, учащихся-стипендиатов и т. п.—75%. Для высокооплачиваемых трудящихся и особенно для нетрудового элемента вводится соответствующая надбавка.

Все это касается старых домов, так называемого муниципализированного фонда. В новых домах, которые строятся исполкомами, промышленностью, транспортом и т. д., квартирная плата построена на принципе возможно большей самоокупаемости с сохранением, однако, некоторых льгот для низкооплачиваемых групп. Ставки устанавливаются таким образом, что группа трудящихся с низким заработком оплачивает только текущие расходы по дому, следующая—текущие расходы и текущий ремонт, затем постепенно прибавляется капитальный ремонт, амортизация и проценты за пользование капиталом во все возрастающем размере в зависимости от социального положения, заработка и качества жилья.

Изменение правил о пособиях по временной нетрудоспособности.

Союзный Совет соц. страх. разъяснил («Труд» № 217), что в случаях временной нетрудоспособности, приходящейся на период очередного отпуска, пособие по временной нетрудоспособности работникам просвещения, не выдается, если неиспользованный вследствие временной нетрудоспособности очередной отпуск может быть предоставлен в течение данного каникулярного периода.

Если неиспользованный отпуск может быть предоставлен в течение данного каникулярного периода только частично или вовсе не может быть предоставлен в течение этого периода, пособие по временной нетрудоспособности выдается в порядке ст. 12 правил за тот период времени, в течение которого очередной отпуск будет предоставлен после начала занятий.

Запрещение лотерей.

На основании постановлений СНК Союза ССР, от 24 июля 1923 г. и 17 января 1924 г. (Вестник ЦИК, СНК и СТО 1923 г., № 1, ст. 39 и 1924 г., № 1, ст. 11), Инструкции НК РКИ и НКФ Союза ССР, от 15 января 1927 г., за № 27, по применению постановлений ЦИК и СНК Союза ССР, от 5 сентября 1924 г. и 7 августа 1925 г., о производстве добровольных сборов и пожертвований (Вестник Финансов. Оф. Отд., № 15/281, от 31 января 1927 г.), устройство каких бы то ни было лотерей безусловно воспрещается на всей территории Союза ССР.

В виду участвовавших случаев самовольного производства лотерейных операций, НК РКИ и НКФ Союза ССР извещают, (пост. НК РКИ и НКФ СССР от 15/IX—27 г.—«Эк. Ж.» № 214), что при установлении производства незаконных лотерейных сборов виновные, на основании существующих законов, будут привлекаться к уголовной ответственности за нарушение запретительных законов об устройстве лотерей.

Ценные бумаги, обязательные для размещения в них запасных капиталов юридических лиц.

Нар. Ком. Финансов СССР объявляет, что на основании постановления Совета Труда и Обороны от 19 августа 1927 г. (протокол № 348, п. 34) юридические лица, обязанные, согласно постановления ЦИК и СНК СССР от 18 мая 1927 г. («Изв. ЦИК и ВЦИК» от 10/IX 1927 г., № 207), держать свои запасные, резервные и иного наименования капиталы, предназначенные полностью или в части на покрытие убытков в государственных процентных бумагах, должны помещать таковые капиталы в облигации следующих государственных займов: Государственного 8% внутреннего золотого займа 1924 г., разрешенного к выпуску 15 февраля 1924 г. (С. У. 1924 г., № 34, ст. 311). 2 Государственного 8% внутреннего займа № 39, ст. 286). 3 Государственного 8% внутреннего займа 1927 г., разрешенного к выпуску 1 июня 1927 г. (С. З. СССР 1927 г., № 32, ст. 325).

Кредитование сельского огнестойкого строительства.

Правление Россельбанка утвердило правила кредитования огнестойкого строительства.

При обществах с.х. кредита и сельхозбанках образуются специальные фонды кредитования сельского огнестойкого строительства.

Ссуды будут выдаваться крестьянскому населению и его трудовым объединениям на устройство огнестойких крыш сроком до 2 лет; на возведение жилых огнестойких построек—до 5 лет из общих средств и до 10 лет—за счет фондов; на приведение существующих построек в огнестойкий вид—до 2 лет; на возведение огнестойких построек с.х. назначения (скотные дворы, хранилища с.х. инвентаря и т. п.)—до 6 лет и на устройство улучшенных печей—до 2 лет.

Существующим т-вам огнестроительства, другим видам кооперативов и государственным и общественным организациям ссуды будут выдаваться на устройство и оборудование заводов и мастерских по выработке огнестойких материалов сроком до 5 лет; на организацию производства огнестойких материалов—до 18 месяцев и на организацию складов таких материалов—до 16 месяцев.

Размеры ссуды устанавливаются до 300 рублей на хозяйство при выдаче ссуды на возведение жилых и надворных построек, до 150 рублей—на переоборудование существующих деревянных построек по огнестойкому типу; до 100 рублей—на устройство огнестойких покрытий и до 50 руб.—на возведение улучшенных печей.

Представители профорганов в наблюдательных комиссиях.

НКВД обратил внимание мест (ц. № 205 от 1/IV—27 г. «Бюлл. НКВД» № 16) на то, что представители профессиональных органов исключены только из состава распределительных комиссий и оставлены в наблюдательных комиссиях. При обсуждении данного вопроса Правительством было установлено, что участие в наблюдательных комиссиях представителей организованного рабочего населения крайне важно с точки зрения правильного проведения в местах заключения исправительно-трудовой политики. На этом основании предлагается всячески следить за тем, чтобы в наблюдательных комиссиях представители профорганов, выделяемые местным бюро профсоюз из своей среды или из состава месткомов, завкомов и т. п. рабочих организаций, действительно участвовали в заседаниях наблюдательных комиссий на правах постоянных членов.

Помещения для допросов заключенных нарследователями.

В связи с ограниченностью контингента войск конвойной стражи и в целях наиболее рационального использования личного состава конвойных частей представляется необходимым устанавливать допрос заключенных по возможности в самих местах заключения, без вызова их в следственные органы, исключая те случаи, когда прибытие следователя в места заключения невозможно, так как имеется необходимость привода заключенного для очной ставки или предъявления вещественных доказательств.

Органы прокуратуры идут в этом отношении навстречу войскам конвойной стражи, давая по своей линии соответствующие распоряжения следственным органам о допросе заключенных в самих местах заключения, но нередко препятствием к осуществлению этого является то обстоятельство, что не при всех местах заключения имеются соответствующие помещения для допроса заключенных следователями.

В связи с этим НКВД предложил местам заключения (ц. № 215 от 14/IV—27 г.—«Бюлл. НКВД» № 17) отводить отдельные помещения, где бы прибывающие в места заключения следователи могли производить допрос заключенным.

Ответственность граждан за неявку по требованию органов власти.

НКВД изменил п. 1 циркуляра № 16—27 г. («Бюлл. НКВД» № 1). По новой редакции, введенной ц. НКВД № 201 от 28/V—27 г. («Бюлл. НКВД» № 16), «явка граждан по требованию органов власти обязательна лишь в случаях, определенно указанных в законе, а именно: явка в случаях, предусмотренных законом об обязательной военной службе, явка для выполнения трудовых повинностей, а также явка в качестве свидетелей, экспертов, переводчиков или понятых по вызову органов дознания, следствия или суда. Только в указанных случаях неявка граждан влечет судебную или административную ответственность по ст.ст. 61, 64, 65, 66, 67, 69 и 92 УК редакции 1926 г.»

Выполнение органами милиции и уголов розыска требований по производству дознаний.

НКВД предложил администр. отделам (ц. № 202 от 28/V 1927 г.—«Бюлл. НКВД» № 16) принять энергичные меры к незамедлительному исполнению органами милиции и уголовного розыска обращенных к ним требований о выполнении отдельных действий по производству дознаний с привлечением виновных к строгой дисциплинарной ответственности.

В случае, если задержка выполнения указанных выше требований вызывается обстоятельствами самого дела, надлежит сообщать о причинах, вызвавших таковую задержку, органам милиции или уголовного розыска, от которых поступили требования для возбуждения ими ходатайства о продлении установленного ст. 105 УПК месячного срока.

Обязанности милиции.

По данным НКВД, органы милиции на местах нередко выполняют обязанности, не возложенные на них действующими законами и распоряжениями Народного Комиссариата Внутренних Дел. Главным образом, случаи эти имеют место в области содействия со стороны милиции органам других ведомств.

НКВД издал постановление (ц. № 203 от 31/V—27 г.—«Бюлл. НКВД» № 16), согласно которого распоряжения орга-

нов других ведомств, возлагающие на милицию какие-либо обязанности по содействию этим органам при выполнении возложенных на них заданий, подлежат исполнению органами милиции лишь в том случае, если распоряжения эти изданы по согласованию с Народным Комиссариатом Внутренних Дел или подтверждены им к исполнению.

Условия присуждения процентов и судебных издержек в арбитражных комиссиях.

Пленум ВАК СТО СССР утвердил (прот. № 12 от 15/IV 1927 г.) порядок присуждения процентов и судебных издержек по разрешаемым арбитражными комиссиями имущественным спорам между госорганами.

Начисление судебных процентов по присужденным суммам производится: в случае присуждения к уплате суммы, причитающейся за оказанные должнику услуги или переданные ему предметы,—с момента наступления обусловленного по договору срока платежа этой суммы; в случае же отсутствия договорного срока,—по истечении семи дней со дня предъявления счета к платежу; в случае присуждения к возврату непокрытого аванса,—со дня получения аванса; в случае присуждения к уплате, согласно договора, пени за просрочку долга,—судебные проценты по тем суммам, на которые начислена пеня, не присуждаются с тем, однако, что размер пени не должен быть меньше установленных судебных процентов.

Судебные издержки присуждаются в размере уплаченных судебных пошлин, а также при наличии соответствующего ходатайства и других понесенных в связи с ведением дела расходов. Судебные издержки, понесенные по первоначальному и встречному искам соответственно присужденной части, подлежат взаимному зачету. При наличии в деле нескольких истцов или ответчиков судебные издержки возмещаются пропорционально присужденным в их пользу или отказанным суммам.

Размер процентов в арб. ком. на присуждаемые суммы за задолженности.

Пленум ВАК СТО СССР (прот. № 12 от 15/IV—27 г.) признал необходимым и своевременным, во изменение существовавшей до сих пор практики ВАКСТО, присуждать впрямь на суммы задолженности госорганов по расчетам, вытекающим из торговых и кредитных сделок, банковских процентов, определяя таковые по ставкам Государственного Банка СССР, применительно к содержанию данной сделки и периоду возникновения долга, для чего установить систематическое (раз в месяц) получение сведений о размерах вышеуказанных ставок.

Сроки исполнения решений ВАКСТО.

Пленум ВАКСТО СССР в целях ускорения процесса понудительного исполнения решений ВАКСТО о взыскании с должника денежных сумм, признал возможным (прот. № 12 от 15/IV—27 г.) одновременно с вынесением резолюции по существу дела постановлять о выдаче взыскателю в случае неисполнения должником решения ВАК СТО в назначенный резолюцией срок исполнительного листа с указанием при этом в упомянутой резолюции, смотря по обстоятельствам дела, того имущественного объекта, на который должно быть обращено взыскание в понудительном порядке.

Порядок зачисления производимых должником частных платежей.

Пленум ВАК СТО СССР постановил (прот. № 12 от 15/IV—27 г.), что произведенный должником частичный платеж, недостаточный для погашения основного долга вместе с процентами и издержками, зачисляется, за отсутствием иного соглашения, прежде всего на покрытие издержек, затем процентов, и в остальной части—на покрытие основного долга.

Подлежащая начислению за просрочку исполнения обязательства пеня, поскольку она не заменяет собою нормальных процентов по основному долгу, погашается из произведенного должником платежа только после погашения издержек, процентов и основного долга.

Взимание сбора за регистрацию внебиржевых сделок.

По пост. НКЮ РСФСР № 592 от 27/IV—27 г. («Бюлл. НКФ» № 28), сбор за регистрацию внебиржевых сделок взимается гербовыми марками, которые наклеиваются на сведения о

внебиржевых сделках в специально выделенной для этого графе, по каждой сделке в отдельности, в размере, установленном для суммы данной сделки. Наклейка марок производится непосредственно учреждением, представляющим указанные сведения о регистрируемой сделке. Погашение гербовых марок производится регистрирующим органом в порядке, предусмотренном уставом о гербовом сборе.

При приеме сведений о внебиржевых сделках должностные лица обязаны проверить правильность уплаты причитающегося регистрационного сбора и в случаях обнаружения неполной оплаты предлагать в срочном порядке учреждениям, представившим сведения о регистрации, оплатить недовнесенный сбор в недельный срок. В случае невыполнения этого требования надлежит сообщать в местный финансовый орган на предмет взыскания недоимки по регистрационному сбору в порядке, предусмотренном положением о взимании налогов от 2/X 1927 г.

Неприсчисление к сумме сделки процентов по учету векселей.

НКФ сообщил (ц. № 609 от 4/V—27 г.—«Бюлл. НКФ» № 28): СТО постановлением от 12 апреля т. г. признал, что проценты по учету векселей, выдаваемых в платежи по сделкам, не причисляются к суммам сделок, как в том случае, если суммы на учет векселя подлежат уплате сверх суммы векселя и независимо от его учета, так и в том случае, если они уплачиваются в возмещение произведенных уже расходов на учет. Поэтому все разъяснения, противоречащие указанному постановлению СТО, в настоящее время должны считаться утратившими значение.

Гербовый сбор с договоров о ссуде, выдаваемой векселями.

НКФ РСФСР разъяснил (ц. № 569 от 19/IV—27 г.—«Бюлл. НКФ» № 27), что, поскольку в практике договорных отношений нередки случаи, когда одна сторона, обязавшись выдать другой ссуду, обуславливает в договоре, что ссуда подлежит выдаче не деньгами, а векселями на соответствующую сумму, а сторона, получившая векселя, учитывает их в таком образом, реализует свое право на получение ссуды. Поскольку такой договор является по существу не договором ссуды, а лишь договором о предоставлении получения ссуды по приложенным к нему векселям, и потому подлежит оплате простым гербовым сбором 1 разряда по § 20 табеля, приложенной к Уст. о герб. сборе.

На местах.

КУРСЫ-С'ЕЗДЫ, КАК ОДИН ИЗ МЕТОДОВ ИНСТРУКТАЖА СУДЕБНЫХ РАБОТНИКОВ.

(Из практики курсов-с'ездов в Сибири.)

В поисках новых форм инструктора низовых судработников Сибирский краевой суд обратился к мысли об использовании в этих целях окружных совещаний судработников, созываемых периодически во всех округах; 3-й пленум Сибирского крайсуда признал обязательной постановку на совещаниях докладов о кассационной практике. Но постановка 2—3 докладов на совещании не давала наряду с возможностью выяснить все наиболее важные у них вопросы, не позволяла и докладчикам привлечь внимание судей на все типичные ошибки их. Недостаточность же отдельных докладов о кассационной практике приводила к выводу о необходимости расширения программы окружных совещаний в части, посвященной правовым вопросам, т. е., другими словами, превращения их в курсы-с'езды. Курсы-с'езды не являлись совершенно новым, неиспытанным методом повышения квалификации советских работников. Их широко использовал Наркомпрос для переподготовки учителей, к ним же прибегали губсуды Украины для инструктирования судебных работников.

Общие условия работы краевых судов были благоприятны для проведения таких курсов: обработка сосредоточенных в ИРО краевого суда кассопределений и ревизионных актов давала богатый, интересный и жизненный материал для лекций и беседований. Вместе с тем при относительном постоянстве лекторского состава и используемого им материала открывалась возможность достижения большого единообразия судебной практики. Необходимо было только придать имеющимся в ИРО данным о работе нарсудов и кассколлегии известную систему, разбить их по соответствующим рубрикам программы и в проработанном виде принять за основу для занятий.

В результате такой подготовки материала курсы-с'езды должны были превратиться в собеседования по вопросам судебной практики. Самое название этих собеседований «курсы-с'езды» было заимствовано из украинской практики и едва ли его можно признать удачным: оно дает основание к сопоставлению их с другими курсами (3-месячными, 6-месячными и т. п.).

А такое сопоставление нередко приводит к отрицательному взгляду на них. Если 3- и 6-месячные курсы не могут дать достаточной подготовки судебным работникам, то какое же значение могут иметь 10—14-дневные курсы?

Не являются ли они бесполезной затратой сил и средств? Чтобы избежать смещения различных понятий, правильнее было бы назвать их не курсами, а конференциями (такое название и утвердилось за ними по линии Наркомпроса). Но дело, конечно, не в названии. По существу критика курсов-с'ездов, исходящая из сравнения их с постоянными курсами, основана на недоразумении: курсы-с'езды представляют особый вид инструктажа, совершенно отличный от постоянных курсов, и сравнивать их с последними нельзя, так как различие между ними не количественное, а качественное. Все длительные курсы имеют своей целью повышение общего развития слушателей, ознакомление их с общими началами политики и права, с принципами, положенными в основу наших кодексов, и, наконец, систематическое изучение кодексов. В противоположность им курсы-с'езды теоретических вопросов совсем не затрагивают; все внимание слушателей их направлено на разрешение конкретных, уже поставленных практикой вопросов.

Цель их: 1) разъяснить судработникам допускаемые ими типичные ошибки при разборе судебных дел, 2) ознакомить их с практикой кассационных инстанций и с теми циркулярами, узаконениями и разъяснениями, которые чаще всего приходится применять на практике, и 3) дать ответы на недоуменные вопросы, неизбежно возникающие при применении правовых норм к конкретным явлениям жизни.

Благодаря практической постановке занятий, с интересом и пользой для себя принимая участие на курсах-с'ездах и работники, прослушавшие 6-месячные и даже годичные курсы. Были даже случаи, когда эти работники заявляли, что для непосредственной практической работы курсы-с'езды дали им больше, чем оконченные ими длительные курсы. Пусть в этих заявлениях имеется доля преувеличения, но все же несомненно, что при неполноте и изменчивости нашего законодательства взаимный обмен опытом под руководством более опытных и изучивших кассационную практику сессий и Верховда товарищей должен принести пользу для всех судебных работников; следовательно, курсы-с'езды не утратят своего значения и к тому моменту, когда все правосудие будет пропущено через длительные курсы.

Далее, курсы-с'езды являются методом массового инструктажа: они охватывают всех судебных работников округа, между тем, как на постоянные курсы в виду бюджетных затруднений и невозможности замещения командированных обычно удается послать не более 2—3 работников на округ. При таких условиях потребуются несколько лет для того, чтобы пропустить всех работников округа через длительные курсы. Но жизнь не ждет, многие дефекты в работе нарсудов, особенно в тех областях, где уровень подготовки судработников не высок, требуют немедленного исправления. Неурядицы энергичных мер к исправлению их легко может привести к справедливым нареканиям на судебные учреждения, к подрыву их авторитета, и к дальнейшему росту процента отменяемых приговоров и решений. Курсы же с'езды представляют наиболее верное средство к скорейшему исправлению недочетов и уродливых явлений в судебной практике.

Все эти соображения привели президиум Сибкрайсуда к тому заключению, что курсы-с'езды, наряду с постоянными курсами, должны играть видную роль в деле повышения квалификации нарсудов и побудили его включить в план работ на 1927 г. созыв их по всем округам Сибирского края.

Курсы-с'езды проведены в Сибири в 6 округах: Кузнецком, Тарском, Вийском, Рубцовском, Конском и Томском. Всего пропущено через курсы 140 нарсудей и нарследователей; кроме того, на курсах принимали участие отдельные члены сессий, помпрокуроры, нотариусы и члены коллегии защитников.

В программу собеседований включались следующие предметы: уголовное и гражданское право, уголовный и гражданский процесс, трудовое право, земельное право в части, относящейся к разделам дворов, нотариат и техника производства следственных действий. При построении программы и подборе лекционного материала уделено было особое вы-

нимание тем делам, которые чаще встречаются в нарсудах, особенно—сельских. Так, напр., статистические данные показывали, что главными видами гражданских дел, проходящих через сельские нарсуды, являются дела о семейно-имущественных разделах, о зарплатах, алиментах и т. д.

В соответствии с этим на курсах в первую очередь прорабатывались материалы по разделам дворов, по трудовым договорам, по правоотношениям, вытекающим из брачного и семейного права, ит. д. Учет касспрактики давал указания на большой процент отмены решений по делам о причинении вреда и по искам, вытекающим из недействительных сделок, в частности, сделок со строениями. Поэтому данным видам дел уделялось особое внимание при собеседованиях. Если при проведении первых курсов (в Кузнецком и Тарском округах) материал для занятий брался не только из судебной практики, но отчасти и из литературы, то в дальнейшем все части программы заполнялись почти исключительно данными, полученными в результате обработки кассопределений и ревизионных актов, а также вопросами, выдвинутыми на предыдущих курсах.

Программа намечена была еще до проведения первых курсов, неудивительно поэтому, что она не вполне отвечала практическому характеру курсовых занятий, и лекторам в процессе работы пришлось отступиться от нее.

Занятия велись смешанным, лекционно-беседным методом. Впрочем, вскоре метод беседный оказался преобладающим, так как лекции обычно прерывались вопросами и фактически превращались в собеседования.

Активность судработников почти на всех курсах-с'ездах была весьма высокой: лекторов буквально засыпали вопросами. Больше всего вопросов из области гражданского права и процесса возбуждали беседы о разделах дворов о потравах, увечных делах, об ответственности рабочих и служащих за убытки, причиненные нанимателем, о вознаграждении за сверхурочные работы, о восстановлении в должности, об исчислении давностных сроков, о подсудности судебных учреждений, судебных сборах, доказательствах и привлечении третьих лиц.

По уголовному праву и процессу максимум вопросов вызывали беседы о растратах, хулиганстве, о самогонных и налоговых делах, об оскорблении и сопротивлении власти, об единоличных действиях нарсудей, о прекращении дел, о предании суду и о гражданском иске.

Благодаря живому обмену мнений проведение курсов почти повсеместно сопровождалось большим подъемом интереса к юридическим вопросам и послужило для многих судей стимулом к изучению юридической литературы и текущего законодательства. В период проведения их усиленно раскупались и выписывались комментарии к кодексам, учебники и другая юридическая литература. Общее оживление интереса к правовым вопросам давало возможность проработать такое количество материала, ознакомление с которым потребовало бы гораздо большего времени при обычных условиях занятий на постоянных курсах. В целях закрепления этого материала в памяти курсантов лектора давали им и письменные задания на следующие, примерно, темы: «Отличия вновь введенного Уголовного Кодекса от ранее действовавшего», «Положение трудящегося по Кодексу законов о труде и по временным правилам о наемном труде в крестьянском хозяйстве», «Отличия Кодекса законов о браке, семье и опеке от Кодекса актов гражданского состояния» и т. п. Давались также казусы по типичным делам, и курсанты писали по ним решения. Некоторые вопросы твердо усваивались курсантами только после письменных работ (напр., распределение судебных издержек в гражданском процессе).

Там, где машинистки уполномоченных или сессий не были перегружены работой, лекторам удавалось дать нарсудьям систематические перечни важнейших узаконений и разъяснений к большинству лекций по гражданскому праву и процессу. Такие перечни значительно облегчают работу нарсудов, поэтому потребность в них весьма велика. Они высоко ценились судработниками; были даже случаи недоразумений при распределении их, когда количество отпечатанных экземпляров оказывалось недостаточным.

По сравнению с украинскими сибирские курсы-с'езды оказались более длительными. Средняя продолжительность их от 10 до 14 дней (на Украине 7 дней). По окончании их обычно производилась проверка знаний судработников в порядке, предусмотримом циркуляром НКЮ, а затем открывалось округное совещание, посвященное вопросам организационного и административного характера.

Результаты первых опытов проведения курсов-с'ездов, как и всякого нового метода работы, требовали проверки.

Для такой проверки лектора устраивали по окончании занятий, если позволяло время, собрания курсантов и ставили на обсуждение вопросы об общей оценке проведенных лекций и собраний и о желательных изменениях в программе и методах занятий. На всех собраниях получены были положительные отзывы, повсюду судработники признали большую пользу курсов и выразили желание о повторении их в следующем году. В прениях и резолюциях подчеркивается роль курсов-сездов в деле осуществления живой связи между Сибкрайсудом и низовыми судебными работниками и установления большего единообразия судебной практики. Многие работники указывали, что курсы дали им некоторую ориентировку в вопросах гражданского права, и по окончании их они с большей уверенностью приступают к работе. Вместе с тем в большинстве резолюций выражаются пожелания об увеличении количества письменных работ на курсах и о снабжении курсантов планами, конспектами и перечнем законодательных материалов ко всем лекциям и собраниям.

Отзывы лекторов также говорят о положительных результатах курсов.

Такое единогласие в мнениях курсантов и лекторов дает полное основание считать первые опыты по проведению курсов-сездов удачными.

Если же принять во внимание преимущества курсов-сездов, как метода живого инструктажа, перед письменными разъяснениями, значение их для установления единообразия судебной практики, живую связь, создающуюся благодаря им, между руководящим аппаратом и низовыми судебными работниками,— вполне можно признать их «ценным достижением в работе Сибкрайсуда» (из резолюции совещания рубцовских судработников).

Член Сибирского крайсуда Е. Волянский.

г. Ново-Сибирск.

Библиография.

С. И. Раевич. Очерки истории буржуазного гражданского права со времени империалистической войны. ИЗ. Москва. 1927 г. 149 стр. Научно-Политической Секцией Гос. Ученого Совета допущено в качестве учебного пособия для ВУЗ'ов. Тираж 3.000 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Автор задался целью дать «изображение в марксистском освещении важнейших явлений в истории институтов буржуазного гражданского права за годы со времени империалистической войны».

Внимание автора сосредоточено лишь на некоторых отраслях гражданского права европейских, по преимуществу континентальных, государств, при чем центральное место отведено Германии, как стране, правовое развитие которой находилось под влиянием наиболее резко выраженных социально-политических конфликтов. Непосредственное изучение иностранного права по его первоисточникам до сих пор мало доступно для рядового юриста и для большинства нашей студенческой молодежи. Плохое знание иностранных языков является до сих пор крупным препятствием для ознакомления с иностранным правом. Между тем, совершенно очевидно, что только путем сопоставления с теми явлениями, которые характеризуют право современных буржуазных государств, возможно постижение до конца классического характера нашего права, осознание тех достижений, которые имеются у нас в этой области, и той пропасти, которая отделяет наше право от так называемого права буржуазного. (В период европейской реакции, в который мы теперь вступаем, эта пропасть безусловно углубляется.)

Это обстоятельство продиктовало включение в планы занятий на правовых факультетах ряда наших ВУЗ'ов нового предмета—сравнительного правоведения. Там, где эта дисциплина не включена в официальные программы, она прорабатывается в специальных кружках, составляет тему факультативных курсов.

Марксистская подготовка, получаемая нашей учащейся молодежью, помогает ей легко ориентироваться в общетеоретических правовых вопросах, дает ей критерий для правильной классовой оценки того или иного института или отдельной правовой нормы. Но теоретическая ориентировка иногда как бы повисает в воздухе в виду недостаточности сведений чисто фактического порядка. Большое достоинство

книги т. Раевича—это ее насыщенность фактическим, законодательным и историческим материалом. Следует особенно подчеркнуть метод изложения законодательного материала. Это далеко не сухой пересказ и не только догматический анализ, а это в первую очередь социологическое освещение соответствующих проблем. Говоря об изменении той или иной нормы семейного права, автор дает сжатое изложение соответствующей социально-бытовой и экономической проблемы, трактуя об исключительных правах, о проблеме гипотечного права, о наследственном праве, автор дает сжатую характеристику тех классовых интересов, которые продиктовали в то или иное время, в той или иной стране соответствующий юридический ответ на вопрос. Благодаря этому работа тов. Раевича представляет для социолога не меньший интерес, чем для юриста.

Само собой разумеется, что в книге, насыщенной 149 страниц, нельзя было дать полной истории буржуазного права, хотя бы и за 10 лет. Автор остановился на следующих вопросах: 1) право собственности, свобода договоров, 2) ипотека и проблема обеспечения долгов, 3) о размере законного процента, 4) исключительные права, 5) семейное право и 6) наследственное право.

Большая часть книги является перепечаткой статей автора, помещенных им в последние годы в нашей периодической печати. Помещенная в качестве введения «Общая характеристика развития гражданского права в эпоху империализма», и, в частности, в период 1914—1924 года», является несколько сокращенной переработкой статьи автора, помещенной в номере 4 «Советского Права» за 1925 год под заглавием «Гражданское право эпохи свободной конкуренции и эпохи империализма».

Статья об авторском праве воспроизводит в сокращенном виде некоторые места из известной книги автора «Исключительное право». Тов. Раевич почти единственный марксист-юрист, работающий систематически над вопросами современного буржуазного гражданского права, поэтому его стремление дать в виде учебного пособия сборник разнообразно опубликованных им работ в этой области следует приветствовать. Жаль только, что в «Очерки» не включена его статья о германском законе 1919 года о праве застройки, помещенная в № 1 «Революции права».

С вышеуказанной нами точки зрения—сопоставления нашего права с буржуазным,—эта статья могла бы быть весьма поучительной.

Не вдаваясь в критический анализ отдельных положений автора, мы хотели бы отметить одно лишь место, которое, на наш взгляд, несколько затемняет марксистскую трактовку вопроса. Мы имеем в виду социально-классовую трактовку авторского права. Нам кажется, что в настоящее время не только у нас, но и в буржуазных странах авторское право является таким институтом, который в значительной мере и чем дальше, тем больше, защищает интересы представителей широких слоев трудящихся и рабочего класса, в частности. Современная культура все больше пролетаризируется в том смысле, что значительная часть писателей, художников, музыкантов выходит из рядов рабочего класса. При таких условиях трактовка авторского права, как «прерогативы культурного развития», представляется нам неправильной, а такая точка зрения на авторское право проскальзывает в рассуждениях автора по этому вопросу (стр. 82).

В нашей скудной литературе по гражданскому праву книга тов. Раевича, дающая выдержанный марксистский анализ наиболее существенных разделов гражданского права, займет безусловно одно из первых мест. Начинаящему юристу она дает много исторических и юридических сведений, для более подготовленного она может служить образцом применения марксистского метода к исследованию правовых проблем.

Поэтому мы позволяем себе усиленно рекомендовать этот сборник нашему читателю. Сравнительно небольшой тираж книги при ее большой внутренней ценности не оставляет сомнения в том, что за первым изданием вскоре последует второе, которое нам хотелось бы видеть более полным, включающим и те работы, которые по соображениям, очевидно, издательского порядка, не включены в настоящий сборник.

Еще одно пожелание хотелось бы высказать. Это по части стиля. Язык местами тяжеловат, попадаются слишком длинные периоды. Если для подготовленного читателя это представляет известное неудобство, то для менее подготовленного это уже серьезное препятствие к усвоению содержания.

Ф. Вольфсон.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

СОДЕРЖАНИЕ: Циркуляр ВЦИК.—Циркуляры НКЮ №№ 166, 167, 168, 169, 170.—Раз'яснения Пленума Верх. Суда РСФСР.

ЦИРКУЛЯР ВЦИК № ЦП 07/2.

ЦИК авт. республик, краевым, обл. и губ. исполн. комитетам.

Согласно имеющихся в ВЦИК сведений, местные органы власти, не исключая даже административных отделов окрисполкомов, иногда визируют удостоверения, мандаты и т. п. документы, исходящие от религиозных сект, обществ и других религиозных объединений. Официальные надписи на такого рода документах, притом с приложением печати, придают этим документам официальный характер.

С другой стороны, религиозные объединения в своей переписке нередко применяют печати с эмблемами и лозунгами, составленными в явное подражание эмблемам и лозунгам, установленным для печатей государственных органов, причем в самых документах нередко сознательно замалчиваются их цель и назначение.

В силу декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви («С. У.» 1918 г. № 18, ст. 263), религиозные объединения не имеют прав юридических лиц и могут пользоваться своими печатами, штампами и бланками только для религиозных дел. Всякого рода удостоверения, мандаты и т. п. документы, исходящие от религиозных объединений, могут быть выдаваемы ими только по делам, непосредственно касающимся религиозных объединений, почему и должны иметь указание цели и адресата и не могут иметь юридической силы в советских учреждениях (циркуляр НКЮ, НКВД, НКЗ и РКИ от 15 августа 1921 г.).

В виду изложенного, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет предлагает принять к руководству и преподать местным органам нижеследующее:

1. Воспрещается религиозным группам, обществам и всяким другим религиозным объединениям, а равно и их представителям или уполномоченным пользоваться, в своих изданиях, в переписке и при выдаче каких бы то ни было удостоверений, мандатов, справок и других документов бланками и печатами, схожими по эмблемам и лозунгам с такими же, установленными для учреждений и органов Советской власти. Удостоверения, мандаты, справки и т. п. должны иметь указания их цели и адресата.

Произведения печати и документы, противоречащие требованиям настоящего циркуляра, подлежат задержанию и должны быть направляемы к органам прокурорского надзора.

2. Воспрещается всем без исключения учреждениям и органам Советской власти визировать или принимать в прописку удостоверения, мандаты и др. документы религиозных объединений всякого рода, а также делать надписи с приложением официальных печатей на документах таких объединений, если эти документы возвращаются подателям или вообще должны поступить в руки частных лиц или учреждений.

За нарушение настоящего постановления должностные лица должны быть привлекаемы к дисциплинарной ответственности.

Председатель ВЦИК М. Калинин.
И. о. Секретаря ВЦИК Ян Полуян.

22 августа 1927 года.

ЦИРКУЛЯРЫ НАРКОМЮСТА.

Циркуляр № 166.

Всем краевым, обл. и губ. прокурорам.

О порядке рассмотрения жалоб на выселение из квартир.

Народный Комиссариат Юстиции циркуляром № 152 от 20 августа 1926 г. («Б. С. Ю.» № 34 1926 г.) предложил краевым, областным и губернским прокурорам возбуждать ходатайства о приостановлении решений судов по телеграфу только в случаях безусловной необходимости приостановления.

Из получаемых по этому вопросу телеграмм усматривается, что местные прокуроры часто возбуждают телеграфные ходатайства о приостановлении решений по делам о выселениях из жилых помещений, не взвесив в достаточной степени необходимости приостановления.

Также замечено, что прокуроры, рассмотрев жалобу на постановление о выселении граждан в административном порядке из занимаемых ими помещений и отказав в ходатайстве о приостановлении выселения, рекомендуют жалобщикам

обращаться в Прокуратуру Республики, которая, не имея всех сведений по делу, вынуждена направлять эти жалобы снова в местные прокуратуры для истребования материалов и заключений, что порождает волокиту и загромождает аппарат как центральной, так и местной прокуратуры.

В виду изложенного, предлагается принять к руководству следующее:

1. Ходатайства о приостановлении решений судов по делам о выселении из жилищ возбуждать только в исключительных и безусловно необходимых случаях.

2. Согласно 9 статьи декрета ВЦИК и СНК от 13 сентября 1926 г. «об изменении и дополнении декрета от 14 июня 1926 г. об условиях и порядке административного выселения граждан из занимаемых ими помещений» («С. У.» № 59 1926 г., ст. 457) постановление о выселении в административном порядке может быть обжаловано прокурорскому надзору в течение недельного срока со дня вручения выселяемому лицу уведомления о выселении.

Вопрос о приостановлении выселения разрешается прокурором, рассматривающим жалобу.

Постановления краевых, областных и губернских прокуроров об отказе в ходатайстве, о приостановлении или отмене выселения являются окончательными.

Народный Комиссар Юстиции и Прокурор
Республики Курский.

13 сентября 1927 г.

Циркуляр № 167.

Краевым, обл. и губ. судам.

О необходимости визы Патентно-Правового Бюро ВСНХ СССР на проектах договоров по приобретению прав на изобретения и промышленные образцы и на представление технической помощи.

В целях наилучшей охраны государственной промышленности и в соответствии с инструкцией о порядке приобретения патентов и лицензий на изобретения государственными учреждениями и предприятиями (постановление СТО от 26 июля 1925 г.—«С. З.» 1925 г. № 50, ст. 378) Народный Комиссариат Юстиции предлагает нотариальным конторам принимать к нотариальному удостоверению договоры о приобретении государственными учреждениями подведомственными ВСНХ и его местным органам, и государственными промышленными предприятиями прав на изобретение, промышленные образцы (модели и рисунки) и о предоставлении им технической помощи лишь при наличии на проектах договоров визы Патентно-Правового Бюро НТУ ВСНХ СССР в Москве (ул. 1-го Мая, 1).

За Народного Комиссара Юстиции Бранденбургский.
Зам. Зав. Отделом Судебного Управления Нехамкин.

14 сентября 1927 г.

Циркуляр № 168.

Всем краевым, обл. и губ. судам.

О прекращении судами принятия к своему рассмотрению дел об удостоверении личности.

В виду того, что пост. ВЦИК и СНК от 18 июля 1927 г. «об удостоверениях личности» («С. У.» № 75, ст. 514), изданное в отмену пост. от 20 июня 1923 г. («С. У.» 1923 г. № 61, ст. 575), не предусматривает судебного порядка удостоверения личности, как это предусматривалось ст. 23 отмененного положения, инструкция НКЮ по делам об удостоверениях личности от 29 сентября 1923 г. (цирк. НКЮ № 197 1923 г.) отменяется и суды не должны в дальнейшем принимать к своему производству никаких дел, касающихся удостоверения личности.

За Народного Комиссара Юстиции и Прокурора
Республики Бранденбургский.

Зам. Зав. Отд. Суд. Управления Нехамкин.

14 сентября 1927 г.

Циркуляр № 169.

Правила учета нотариальными конторами договоров, подлежащих дополнительной оплате нотариальными сборами, и договоров, по которым нотариальные сборы рассрочены, а также взыскания сборов и штрафов финотделами.

(Издается на основании ст. 14 пост. СНК РСФСР от 29 июля 1927 г. правил оплаты за нотариальные действия — «С. У.» 1927 г. № 78, ст. 532).

1. Нотариальные конторы ведут по настоящим правилам учет подлежащих дополнительной оплате нотариальными сборами договоров, по которым сумма для исчисления нотариальных сборов не выяснена полностью или частью (ст. 12 правил оплаты нотар. действий). Арендные договоры не учитываются (ст. 11 тех же правил).

2. Подлежащие учету договоры заносятся на регистрационные карточки ф. № 13 (инструкция НКЮ по нотариату, циркуляр № 222 1926 г.) с применением правил, изложенных в §§ 80—86 той же инструкции. Действие § 87 инструкции отменяется. Копии договоров в финотделы не посылаются.

3. В течение недели после наступления каждого из указанных в договоре сроков, в который сумма договора должна выясниться по каким-либо основаниям (стороны обязуются совершить какие-либо действия, внести платежи и пр.), нотариальная контора посылает всем участвующим в договоре извещения с предложением сообщить выяснившуюся сумму договора или ее часть и внести в нотариальную контору причитающиеся с выяснившейся суммы нотариальные сборы и надбавку в местные средства.

4. Если в договоре с неопределенной суммой или с неопределенной частью суммы не имеется никаких указаний на сроки, то извещения сторонам, предусмотренные § 3 настоящих правил, посылаются по истечении срока договора или каждого года, если договор заключен на срок более двух лет.

5. В случае поступления в срок нотариальных сборов нотариальная контора, проверив правильность поступления, заносит на регистрационную карточку № 13 и закрывает производство.

6. В случае непоступления в срок сборов или поступления их в недостаточном количестве, если имеются сведения о выяснившейся сумме договоров, нотариальная контора исчисляет причитающиеся сборы и штраф, а также надбавку в местные средства и сообщает в финотдел о взыскании этих сумм солидарно со всех участвующих лиц (ст. 13 правил оплаты нотар. действий), а также доводит до сведения подлежащих учреждений о допущенных должностными лицами этих учреждений упущениях по внесению сборов.

7. Финотдел производит взыскание нотариального сбора, штрафа и надбавки в местные средства в беспорочном порядке по правилу положения о взимании налогов («С. З.» 1925 г. № 70, ст. 518). Взысканные нотариальный сбор и штраф зачисляются в специальные средства НКЮ по нотариальным сборам (ст. 15 правил нотар. действий), а надбавка — в доход местных средств, и о результатах взыскания сообщает нотариальной конторе.

8. Если в течение двух недель со дня, к которому должна выясниться сумма договора или часть ее (см. § 3), стороны не представят сведений о состоявшихся платежах по договору, то нотариальная контора извещает об этом местный финотдел.

9. Финотдел в каждом случае выясняет на месте количество причитающихся сборов, устанавливает размер штрафа и взыскивает сбор, штраф и надбавку в местные средства (§ 7). О результатах взыскания финотдел извещает нотариальную контору.

10. Производство нотариальной конторы по учету договоров с неопределенной суммой закрывается по истечении всех частных сроков расчетов по договору и после сообщения нотариальной конторы финотделу сведений для взыскания или после сообщения финотдела на основании произведенного расследования (§ 9) о прекращении действия договора.

11. Нотариальный сбор и штраф могут быть внесены в любую нотариальную контору РСФСР, при чем эта последняя должна немедленно сообщить о поступивших суммах той нотариальной конторе, в которой был удостоверен договор.

12. Договоры, по которым нотариальные сборы были рассрочены, также берутся нотариальными конторами на учет. Копии договоров в финотделы не посылаются.

13. В случае невнесения в срок рассроченной суммы нотариальная контора посылает напоминание сторонам и при непоступлении в недельный срок после получения напоминания сообщает в финотдел о взыскании причитающихся сборов, штрафа и надбавки в местные средства в беспорочном порядке.

14. Настоящие правила применяются к договорам, нотариально удостоверенным, как до опубликования правил оплаты нотариальных действий (пост. СНК РСФСР от 29 июля 1927 г. — «С. У.» 1927 г. № 78, ст. 532), так и после опубликования их.

15. По арендным договорам, нотариально удостоверенным до опубликования правил оплаты нотариальных действий (пост. СНК РСФСР от 29 июля 1927 г.), нотариальные конторы исчисляют сумму согласно ст. 11 правил и оповещают стороны, а при невнесении сборов сообщают финотделу для взыскания, поступая согласно настоящим правилам. Сообщив финотделу о взыскании, нотариальная контора закрывает производство по договору.

За Народного Комиссара Юстиции
РСФСР Бранденбургский.

Зам. Народного Комиссара Финансов
РСФСР Левин.

Зам. Зав. Отдела Судебного Управления
НКЮ Нехамкин.

Начальник Налогового Управления Шалимов.

15 сентября 1927 г.

Циркуляр № 170.

Всем краевым, обл. и губ. судам.

О засвидетельствовании подлинности подписей на заявлениях, анкетах и удостоверениях, предназначенных для направления в Бюро ветеранов Сев.-Американск. Соединен. Штатов.

Бюро ветеранов Северо-Американских Соединенных Штатов выработало особые формы заявлений, анкет и удостоверений на получение бывшими солдатами сев.-американск. армии и наследниками-иждивенцами проживающими в СССР, страхового вознаграждения и иного вида компенсации за смерть, увечье или контузии бывших солдат сев.-амер. армии, застрахованных во время мировой войны в Американском Бюро страхования. Эти заявления, анкеты и удостоверения предусматривают засвидетельствование в нотариальных конторах подписей как самих заинтересованных лиц, так и незаинтересованных свидетелей.

Означенные документы подлежат направлению в Бюро ветеранов Сев.-Амер. Соед. Штатов через Государственный Банк СССР и Российское Общество Красного Креста.

По сообщению Госбанка СССР, нотариальные конторы отказывают в засвидетельствовании подписей на таких анкетах, удостоверениях, ссылаясь на отсутствие в положении о государственном нотариате прямых указаний на возможность засвидетельствования подлинности подписей на заявлениях, имеющих характер свидетельских показаний.

Народный Комиссариат Юстиции разъясняет, что никаких оснований к отказу в засвидетельствовании подлинности подписей на указанных документах по точному смыслу статьи 65 положения о гос. нотар. (§ 251 инструкции НКЮ в развитие полож. о гос. нотар. от 11 декабря 1926 г. № 222) не имеется и что нотариальные конторы и исполняющие нотариальные действия народные судьи должны свидетельствовать на указанных заявлениях, анкетах и удостоверениях подлинность подписей как заявителей, так и свидетелей, если не имеется других законных препятствий к засвидетельствованию.

При засвидетельствовании подлинности подписей на указанных документах гербового сбора взыскивать не следует (ст. 1 устава о герб. сбор. № 50 Подробн. Перечня бумаг, подлежащих гербовому сбору).

За Народного Комиссара Юстиции Бранденбургский.

Зам. Зав. Отд. Судебного Управления Нехамкин.

15 сентября 1927 г.

Раз'яснения Пленума Верховсуда РСФСР.

Из протокола № 13 заседания Пленума Верховного Суда РСФСР от 18 июля 1927 г.

11. П. 15. Постановление пленума Ленинградского гусуда по вопросу о возможности возбуждения дисциплинарного производства против лица, оставившего службу, на которой оно совершило дисциплинарный проступок.

Принимая во внимание, что согласно ст. 13 положения о дисциплинарных судах дисциплинарное производство может быть возбуждено в течение 1 года со времени совершения проступка, независимо от того, состоит ли данное лицо во время возбуждения дисциплинарного производства на службе, на которой оно совершило проступок, или нет, что по смыслу раз'яснения Пленума Верховсуда от 7/II—27 г. (протокол № 3, п. 10) возбуждение уголовного производства прерывает течение срока для возбуждения дисциплинарного производства и в этом случае, годичный срок исчисляется с момента прекращения дела в уголовном порядке, что ухот или увольнение совершившего проступок лица от должности, на которой оно совершило проступок, не исключает возможности или необходимости в известных случаях налагать взыскания, предусмотренные п.п. «а», «б», «г», «д», «ж» ст. 9 пол. о дисциплинарных судах,—отменить постановление пленума Ленинградского гусуда от 4/VI—27 г., а равно определение распорядительного заседания уголовного судебного отделения гусуда от 7/V того же года, в части невозбуждения против гр-на Носова дисциплинарного производства, и предложить гусуду вынести постановление о возбуждении против гр-на Носова дисциплинарного производства.

12. П. 16. Раз'яснение 413 ст. ГК.

(Предложение Председателя Верховсуда по делу Владимирского гусуда по иску Таракановой к Владимирскому хлопчатобумажному тресту о взыскании пособия за увечье.)

Обстоятельства дела:

В исковом заявлении, поданном во Владимирский гусуд, гр-ка Тараканова объяснила, что работала на фабрике «Коммунистический Авангард» 15 лет и во время переноски тяжестей она упала без чувств, вследствие чего получила увечье с потерей трудоспособности на 85%. Поэтому гр-ка Тараканова просила о взыскании с преста, в ведении которого фабрика находилась, пожизненного пособия в размере средней зарплат. В судебном заседании истица объяснила, что она, работая мерильницей, перетаскивала большие тяжести и от переноски этих тяжестей она упала без чувств, и что этот именно припадок привел к увечью. Вызванные в суд свидетели показывали, что и до этого случая с Таракановой бывали припадки на работе и что ей приходилось переносить тяжести весом от 30 ф. до 2—3 пудов за раз. Гусуд в иске отказал, мотивируя тем, что Тараканова ничем не доказала, что увечье получено ею от переноски тяжестей или от работы на предприятии; что истица до указанного случая (падения) не посещала предприятие вследствие болезни по 2 недели ежемесячно в течение продолжительного времени, почему суд пришел к выводу о наличии у нее хронической болезни, не связанной с работой на предприятии. Судебно-медицинская экспертиза дала заключение, что Тараканова больна болезнями общего характера и опуханием желудка, что эти болезни не связаны с работой истицы на предприятии и падением, но вместе с тем суд признал, что происшедшее с истицей увечье во время падения ускорило процесс болезни.

Указанное решение гусуда было утверждено ГKK Верховсуда, которая признала, что поскольку суд установил, что истица утратила трудоспособность вследствие болезни общего характера, она должна получать пособие только в порядке социального страхования.

По протесту Председателя Верховсуда дело поступило в Пленум Верховсуда, который вынес следующее постановление:

«Принимая во внимание, что в данном случае со стороны администрации завода допущена явная небрежность в организации труда, заключающаяся в чрезмерной нагрузке женщины-ткачихи при переноске тяжестей, что это тем более непростительно, что на суде установлено рядом свидетелей от завода, что администрации была известна болезнь истицы; что полная утрата трудоспособности безусловно последовала после ее падения, ибо до того она все работы выполняла; что, таким образом, дело недостаточно обследовано,—отменить решение Владимирского гусуда от 29 марта 1927 года, а равно утвердившее его определение ГKK Верховсуда от 21/VI—27 года, дело передать на новое рассмотрение того же гусуда иного состава».

13. П. 19. Протест Пом. Прокурора Республики при Верховсуде на постановление пленума Сибкрайсуда от 3/V—27 г. по вопросу о подсудности гражданских дел крайсуду.

Войти с представлением о дополнении в законодательном порядке ст. 23-а ГПК в том смысле, что крайсуд вправе передавать отдельные подсудные ему дела или категории дел на рассмотрение надлежащего окружного суда в зависимости от места нахождения сторон и других обстоятельств дела.

Впредь до разрешения вопроса в законодательном порядке, исходя из особых условий Сиб. края (дальность расстояния), признать, что по аналогии с прим. к ст. 24 ГПК президиум Сибкрайсуда вправе передавать отдельные дела, подсудные крайсуду, на рассмотрение соответствующего окружного суда в случаях, когда это необходимо и целесообразно по обстоятельствам дела.

В связи с этим отменить постановление пленума Сибкрайсуда от 3/V—27 года по вопросу о подсудности гражданских дел крайсуду.

ПОПРАВКИ.

В № 26 «Е. С. Ю.», в статье т. Морозова, стр. 795, левый столбец, 36 строка сверху, напечатано: «и предоставлением кассационной инстанции передать дела по существу...»; следует читать: «и предоставлением кассационной инстанции перерешать дела по существу».

В № 29 «Е. С. Ю.», в цирк. № 109, левый столбец, строка первая снизу, напечатано: «... дел частных дел и предприятий...»; следует читать: «... дел частных лиц и предприятий...».

В № 30 «Е. С. Ю.», в цирк. № 131, на стр. 942, правый столбец, 10 строка сверху, напечатано: «... на срок не менее одного года...»; следует читать: «... на срок менее одного года...».

В № 31, в статье тов. Кумыкина, стр. 945, правый столбец, строка 24 сверху, напечатано: «... неявки обеих сторон... При неявке истца и ответчика без...»; следует читать: «... неявки одной из сторон. Текст ее...» и т. д.

В № 36 «Е. С. Ю.», в статье т. Бахчисарайцева, на стр. 1115, левый столбец, 6 строка снизу, напечатано: «... к декрету от 17 июля 1927 г...»; надо читать: «к декрету от 17 июля 1923 г.». Там же, в правой колонке, строка 16 сверху, напечатано: «правила декрета СНК РСФСР...»; надо читать: «правила декрета СНК СССР...». В той же статье, стр. 1116, левая колонка, строка 35 снизу, напечатано: «образование особого гос. фонда досрочного кредитования...»; надо читать: «образование особого гос. фонда долгосрочного кредитования...».

Ответственный Редактор: Нар. Ком. Юст.

Д. Курский.

Н. Крыленко.

Редакционная Коллегия

Я. Бранденбургский.

С. Прушицкий.

Издатель { Юридическое Издательство
НКЮ РСФСР.

Вкладка к 4 изд. Собр. Кодексов к ст. ст. 220—225 Гр. Пр. Код. РСФСР.

С введением в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке (С. У. 1926 г. № 82, ст. 612) отменяется глава XXV Гражданского Процессуального Кодекса (ст. ст. 220—225) о расторжении брака.

(7 марта 1927 г.—«С. У.» 1927 г. № 25, ст. 154).

Новая редакция ст. 164 Гр. Код. РСФСР.

«Наниматель, национализированного или муниципализированного предприятия или строения, а равно всякого рода иного государственного имущества обязан за свой счет страховать такое же в полной сумме его действительной стоимости в пользу государства или местного совета, по принадлежности.

Примечание. Когда нанимателем является государственное учреждение или предприятие, состоящее на хозяйственном расчете, а нанимателем является государственный орган, кооперативная или иная общественная организация, то условиями договора найма национализированного или муниципализированного имущества определяется, на ком—на наймодателе или нанимателе—лежит обязанность страхования имущества».

(25 июля 1927 г.—«Изв. ЦИК» 19 августа 1927 г. № 188/3122).

Дополнение ст. 324 Гр. Код. примечанием 3.

«**Примечание 3.** Число учредителей строительных акционерных обществ (главных товариществ), в уставах которых предусмотрено принадлежность государственному учреждениям и предприятиям не менее 50 проц. акций общества, должно быть не менее двух».

(1 августа 1927 г.—«Изв. ЦИК» 21 августа 1927 г. № 190/3124).

Дополнение гл. X раздела 5-го Гражд. Код. ст. 324-а.

«**324-а.** Если в числе учредителей строительного акционерного общества (главного товарищества) имеются Высший Совет Народного Хозяйства Союза ССР или Высший Совет Народного Хозяйства РСФСР или подведомственные им предприятия, то в уставе общества (товарищества) может быть предусмотрено обязательное представление на утверждение Высшего Совета Народного Хозяйства Союза ССР или Высшего Совета Народного Хозяйства РСФСР по принадлежности следующих постановлений общего собрания акционерного общества: а) о составе органов управления, ревизии и ликвидации общества (товарищества); б) об утверждении финансово-производственных планов; в) об утверждении годового отчета, при чем утверждение баланса, распределение прибыли и установление способов покрытия убытков производится в общем порядке; г) об открытии акционерных обществ с участием государственного капитала; д) об открытии подсобных промышленных предприятий; е) об изменении устава и ликвидации общества (товарищества)».

(1 августа 1927 г.—«Изв. ЦИК» 21 августа 1927 г. № 190/3124).

Дополнение ст. 338-а Гр. Код. примечанием 2-м.

«**Примечание 2.** Район деятельности строительных акционерных обществ (главных товариществ) определяется их уставами».

(1 августа 1927 г.—«Изв. ЦИК» 21 августа 1927 г. № 190/3124).

Дополнение ст. 349 Гр. Код. примечанием 2-м.

«**Примечание 2.** В случаях, указанных в ст. 324-а, уставом строительного акционерного общества может быть предусмотрено право поддлежащего Высшего Совета Народного Хозяйства созывать чрезвычайные общие собрания этих обществ».

(1 августа 1927 г.—«Изв. ЦИК» 21 августа 1927 г. № 190/3124).

Новая редакция примечания ст. 82 Гр. Пр. Код. РСФСР.

«**Примечание.** Искы, предъявляемые ко всякого рода государственным учреждениям и государственным предприятиям, обеспечению не подлежат, за исключением исков по взысканию с них долгов кредитно-кооперативным организациям».

(25 июля 1927 г.—«Изв. ЦИК» 19 августа 1927 г. № 188/3122).

Новая редакция ст. 98 Гр. Пр. Код. РСФСР.

«**98.** Невка одной из сторон, относительно которой суду известно, что повестка ей была вручена, не является препятствием к разбору и решению дела».

(25 июля 1927 г.—«Изв. ЦИК» 19 августа 1927 г. № 188/3122).

Новая редакция ст. 100 Гр. Пр. Код. РСФСР.

«**100.** При неевке истца и ответчика без уважительных причин, если от них не поступило заявления о слушании дела в их отсутствие, дело откладывается на разбирательством.

В случае неевки сторон без уважительных причин по вторичному вызову суд выносит определение о прекращении дела производством.

Примечание. В случае прекращения производства вследствие неевки сторон истец не лишается права в течение установленного срока исковой давности вновь предъявить иск в общем порядке».

(25 июля 1927 г.—«Изв. ЦИК» 19 августа 1927 г. № 188/3122).

Новая редакция ст. 187-б Гр. Пр. Код. РСФСР.

«**187-б.** Немедленное исполнение решений постановленных против государственных органов, не допускается, кроме решений, присуждающих заработную плату, требований по протестованным векселям и требований об уплате задолженности кредитно-кооперативным организациям».

(25 июля 1927 г.—«Изв. ЦИК» 19 августа 1927 г. № 188/3122).

Новая редакция ст. 191 ГПК РСФСР.

«**191.** К делам особого производства относятся дела: а) об имуществе, оставшемся после умерших; б) третейских записок и решениях; в) о выдаче судебных приказов по актам; г) об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям; д) по жалобам на действия нотариусов».

(25 июля 1927 г.—«Изв. ЦИК» 19 августа 1927 г. № 188/3122).

Вкладка к ст. ст. 204—209 ГПК.

Статьи 204—209 Гражданского Процессуального Кодекса исключаются.

(25 июля 1927 г.—«Изв. ЦИК» 19 августа 1927 г. № 188/3122).

Новая редакция ст. 96 Вет. Уст.

«**96.** Денежное вознаграждение выдается владельцам за животных, убитых и лавших вследствие причин, и за уничтоженные предметы (ст. 95) при следующих заразных болезнях: чуме рогатого скота, повальном воспитании легких крупного рогатого скота, сале, сибирской язве и бешенстве крупных сельскохозяйственных животных».

(25 июля 1927 г.—«Изв. ЦИК» 24 августа 1927 г. № 192/3126).

Дополнение ст. 1 Кодекса Законов о Труде примечанием 3-м.

«**Примечание 3.** Условия труда временных рабочих и служащих регулируются специальным постановлением (приложение 2)».

(27 июля 1927 г.—«С. У.» 1927 г. № 68, ст. 458.)

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКЮ РСФСР

МОСКВА, Кузнецкий Мост, 13. Телеф. 2-80-42.

ВЫШЛО ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛО В ПРОДАЖУ ПРОДОЛЖЕНИЕ ПЕРВОЕ К ПЯТИ ОСНОВНЫМ КНИГАМ СИСТЕМАТИЧЕСКОГО СОБРАНИЯ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЗАКОНОВ СССР

ИЗДАЕТСЯ ПОСТОЯННОЙ КОМИССИЕЙ ПО СИСТЕМАТИЗАЦИИ И КОДИФИКАЦИИ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР ПРИ УПРАВЛЕНИИ ДЕЛАМИ СОВЕТА
: : : : : НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР : : : : :

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПЕРВОЕ к „Систематическому Собранию Действующих Законов Союза ССР“
представляет собою систематизацию действующих законодательных актов, изданных в период
от выхода пяти основных книг „Собрания“ по 20-е февраля 1927 г. В „Продолжение“ внесены
также все изменения в законодательстве, систематизированном в основных книгах „Собрания“,
: : : : : согласно общему плану этого издания : : : : :

Цена 5 руб., в переплете 6 руб.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ в Торговый Отдел Юрид. Изд-ва, Москва, Кузнецкий Мост, 7.
Заказы высылаются за наличный расчет и наложенным платежом.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКЮ РСФСР

МОСКВА, Кузнецкий Мост, 13. Телеф. 2-80-42.

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА

статей и мер социальной защиты Угол. Код. РСФСР
новой и старой редакции.

Составили **А. М. Глузман и Б. Я. Арсеньев.**

Цена 80 коп.

КНИГА ВЫСЫЛАЕТСЯ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКЮ РСФСР

МОСКВА, Кузнецкий Мост, 13.

НОВЫЕ КНИГИ

ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ и ПРОЦЕССУ:

УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РСФСР с постатейно-систематизированными материалами. Сост. Аскархановым, Иодковским, Т. Зайцевым, Соколовым и Усковым 3 р. 50 к.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС РСФСР с постатейно-систематизированными материалами. Сост. Аскархановым и Иодковским. 3 р. 25 к.

ТРАЙНИН. Уголовное право. Часть особенная. 2-е изд. 3 р. 50 к.

ГАНИН. Уголовный Кодекс РСФСР в вопросах и ответах. Практический комментарий 2 р. 25 к.

ЛЕЙБОВИЧ. Практическое руководство по судебной медицине. 3-е изд., исправленное и дополненное 2 р. 25 к.

КНИГИ ВЫСЫЛАЮТСЯ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКЮ РСФСР

Москва, Кузнецкий Мост, 13.

ПОСТУПИЛИ НА СКЛАД:

ЗЕМЕЛЬНЫЙ КОДЕКС РСФСР

Со всеми дополнительными узаконениями, инструкциями и раз'яснениями ведомств, определениями Ос. Колл. Высш. Контр. по зем. спорам и Верховсуда, изменениями и дополнениями для автон. респ. материалами, опубликованными по 15-е мая 1927 г.

Составил Е. Рудин.

Цена 3 руб. 75 коп.

Л. И. ДЕМБО

ЛЕСНОЙ КОДЕКС РСФСР

С дополнительными узаконениями, распоряжениями, инструкциями, циркулярами и раз'яснениями по 10-е июля 1927 г.

Цена 1 руб. 50 коп.

КНИГИ ВЫСЫЛАЮТСЯ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ

«210. Судебные приказы применяются: 1) по выписанном денге или требованию о возврате или передаче имущества, основанном на: а) мировых соглашениях взыскателя, совершенных в судебном порядке; б) соглашениях о размере содержания детей и супругу, заключенных в порядке, предусмотренном в Кодексе законов о браке, семье и опеке; в) расчетных книжках на заработную плату; г) документах, устанавливающих просрочку должником и их поручителям суду, полученных от кредитных и судебно-исполнительных товариществ, от сельскохозяйственных товариществ с кредитными функциями и от потребительских обществ с кредитными функциями; д) документах, устанавливающих просрочку членами промышленных кооперативных товариществ (артелей) платежей по отпущенным им в кредит орудиям производства, а также по переданным им материалам для производства; е) документах, устанавливающих просрочку установленных платежей по индивидуальному товарному кредиту, полученному должниками в потребительских обществах и в союзах потребителей обществ; ж) по счетам на квартиру плату, просроченную взыском более 2 месяцев, трудящимися или более 7 дней лицам, живущими на нетрудовой доход, при отсутствии судебного спора о размере квартирной платы, а также по счетам на просроченные взносы платежей за коммунальные услуги (воздух, канализацию, освещение, газ); з) документах органов государственного страхования о взыскании страховых премий по обязательному страхованию и и) обязательствах, выданных лицам взаимопомощи профессиональных союзов их членами; 2) по жилищным делам о взыскании лиц, живущих на нетрудовые доходы, из взыскиваемых или помещенных за неуплату квартирной платы при отсутствии судебного спора о ее размере в течение 7 дней после сроков, установленных законом о квартирной плате.

Примечание 1. При заявлении народному суду о взыскании с должников и их поручителей по просроченной суду, в порядке п. «в» настоящей статьи, заявление учреждения местного кредита представляет в дополнение к подлинному документу копии с него, заверенной правителем, также копию своего постановления о передаче претензий по выданным в порядке судебного приказа с указанным размером суммы, подлежащей взысканию с должника и поручителей.

Примечание 2. При заявлении народному суду о взыскании с должника по просроченным платежам в порядке п.п. «д» и «е» настоящей статьи заявление промышленного кооперативного товарищества (артеля) или правление потребительского общества или союза, по принадлежности, представляют: 1) подлинный договор или соответствующий документ о задолженности с копией с него, заверенной правителем; 2) выписку из лицевого счета должника; 3) копию постановления правления о передаче претензии по взысканию в порядке судебного приказа, с указанием размера суммы, подлежащей взысканию с должника.

Примечание 3. Действие п. «е» настоящей статьи не распространяется на задолженность по товарному кредиту, предоставленному до издания постановления ВЦИК и СНК РСФСР о предоставлении потребителям обществ и их союзам права беспроцентного взыскания по товарному кредиту («С. У.» 1925 г. № 70, ст. 560). Действие п. «д» настоящей статьи не распространяется на задолженность по отпущенным в кредит членам производственных кооперативных товариществ (артелей) орудиям производства и произведенным материалам, если таковые были предоставлены до 25 июля 1927 года.

Примечание 4. При заявлении суду о взыскании с должника просроченной квартирной платы в порядке п. «ж» настоящей статьи заявитель представляет, кроме неоплаченных счетов, копию письменного предупреждения жильца о взыске в установленный срок квартирной платы с риспиской жильца в получении означенного предупреждения или с отметкой милиции об отказе жильца выдать указанную расписку.

(25 июля 1927 г.—«Изв. ЦИК» 19 августа 1927 г. № 188/3122).

«Районы, где допускается устройство трудовых заводов, устанавливаются особой инструкцией Народного Комиссариата Земледелия. Препятствия займам изымаются в порядке обязательных постановлений крестьянскими, общинными и губернными исполнительными комитетами по представлению соответствующих земельных управлений, предварительно согласованных с Народным Комиссариатом Земледелия».

(18 июля 1927 г.—«Изв. ЦИК» 12 августа 1927 г. № 183/3117).

Дополнение ст. 141 Зем. Код. примечанием для горнозаводских районов Уральской области.

«Примечание. В пределах горнозаводских районов Уральской области закрепление земель трудовому земледелию производится в порядке землеустройства на основании особого положения, утвержденного Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом и Советом Народных Комиссаров РСФСР.

(18 июля 1927 г.—«Изв. ЦИК» от 7 августа 1927 г. № 179/3113).

Новая редакция примечания к ст. 137 Гр. Код.

«Примечание 1. Биржевые сделки, а также сделки, регистрируемые, как внебиржевые, в регистрационных бюро при местных отделах торговли и при торговых биржах, не подлежат нотариальному удостоверению. Равным образом, не подлежат нотариальному удостоверению сделки по сдаче продукции крестьян объединяющему их синдикату и по снабжению синдикатами входящих в их состав трестов сырьем, полуфабрикатами и оборудованием, а также сделки Народного Комиссариата Путей Сообщения и его органов по снабжению трестов минеральным топливом».

(18 июля 1927 г.—«Изв. ЦИК» от 7 августа 1927 г. № 179/3113).

Дополнение ст. 168 Зем. Код. примечанием для горнозаводских районов Уральской области.

«Примечание. Порядок и правила землеустройства горнозаводских районов Уральской области устанавливаются особой постановкой, утвержденной Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом и Советом Народных Комиссаров РСФСР».

(18 июля 1927 г.—«Изв. ЦИК» от 7 августа 1927 г. № 179/3113).

Новая редакция п. 1 ст. 211 ГК РСФСР.

«211. Судебные приказы на выплаты: 1) если требование обращено к государственному учреждению или предпринятию, за исключением случаев, когда обращение к ним требованию основано на долговых документах всех видов, установленных просрочку должником и их поручителями суду, полученных от кредитно-кооперативных организаций».

(25 июля 1927 г.—«Изв. ЦИК» 19 августа 1927 г. № 188/3122)

Вклады к ст.ст. 194, 195 ГК.

Статьи 194, 195 Гражданского Процессуального Кодекса исключаются.
(25 июля 1927 г.—«Изв. ЦИК» 19 августа 1927 г. № 188/3122).

Вклады к Кодексу Законов о Труде.

(К статье 307 «Обр. Код.»)
Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 27 июня 1927 г. в качестве приложения 2 к ст. 1 Кодекса Законов о Труде внесено постановление ЦИК и СНК СССР от 14 января 1927 г. («С.З.» 1927 г. № 9, ст. 80) об условиях труда временных рабочих и служащих.

(«С. У.» 1927 г. № 68, ст. 458).